

ИЗ АРХИВА Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ
 ПИСЬМА ЭЛЛИСА, А. БЕЛОГО И А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Daniela Rizzi

В обществе молодых литераторов, принадлежавших к направлению, которое может быть названо вторым “московским” символизмом, роль сестер Тургеневых была далеко не второстепенной. Наталья Алексеевна (1886-1942) и Анна Алексеевна (1890-1966) Тургеневы, будучи еще совсем молодыми девушками, вошли в жизнь кружка литераторов, которые в первые годы XX века называли себя “аргонавтами”, а в 10-е — “мусажетовцами”. Впервые Белый, тогда страстный почитатель и постоянный посетитель концертов М. Олениной-д’Альгейм, увидел сестер Тургеневых (бывших с ней в родстве) в ноябре 1905 г. в гостиной дома д’Альгеймов в Москве.¹ Частые же встречи и возникшая вслед за этим дружба, которая потом займет совершенно особое место в жизни Белого (“татарское иго моей души” — так определит Белый ту власть, которую приобрели над ним сестры Тургеневы в дорнахские годы),² относятся к началу марта 1909 г. и связаны с Домом песни. В это время Ася училась в Бельгии искусству гравюры и жила между Москвой и Брюсселем; интересы же Наташи лежали в области мистической литературы и философии, но более всего — в создании собственного образа-мифа *femme fatale*. Оживленная, несколько экзальтированная атмосфера, создававшаяся молодыми музыкантами и литераторами, близкими к Дому песни,

¹ Мария Алексеевна Оленина (1869-1970) — камерная певица, жена Пьера д’Альгейма (Pierre d’Alheim, 1862-1922), французского литератора и музыкального деятеля. Д’Альгеймы — учредители Дома песни, музыкально-художественной организации, которая открылась в Москве в 1907 г.

² А. Белый, *Материал для биографии*, в альм.: *Минувшее. Исторический альманах* 8, Paris 1989, с. 418. Текст Белого опубликован Дж. Мальмстадом в трех выпусках альманаха *Минувшее*: 6 (Paris 1988-М. 1992), 8 (Paris 1989-М. 1992) и 9 (Paris 1990-М. 1992). Далее в ссылках: *Минувшее* 6, 8, 9.

вполне соответствовала духовному облику обеих сестер, выросших в семье со свободными убеждениями и рано привыкших к самостоятельности (мать со вторым мужем жила в имении Боголюбы Волинской губернии, около Луцка).

Из двух сестер более яркой личностью была, несомненно, Наташа. В воспоминаниях Белого, относящихся к этому периоду, отражено то тревожное, неоднозначное впечатление, которое она производила: “бледно-зеленая Наташа”, “с великолепно-испуганными, протарашенными глазами, с каштановыми волосами и с личиком ангельским”,³ “умная, сложная, очень раздвоенная [...] Наташа казалась — болезненной”.⁴

Страницы раннего дневника Наташи, достаточно отрывочного (он хранится в том же частном архиве, что и публикуемые здесь письма), создают впечатление, что ее отношения с Белым с самого начала развивались на фоне той сложности и даже психологической изломанности, которая стала столь явной впоследствии. Как известно, вскоре Белый связал свою судьбу не с ней, а с Асей, Наташа же свою — с литератором Александром Михайловичем Поццо (1882-1941).⁵ В мае 1909 года обе пары провели вместе несколько дней в Звенигороде, а в следующем году — целое лето в Боголюбах.

Всех четверых связывали не только родственно-дружеские отношения. К тому же 1909 г. относится возникновение интереса Белого к оккультизму, что сыграло для него едва ли не определяющую роль. Значение оккультизма в духовной биографии Белого постоянно растет; при этом ясно выделяются два аспекта, в равной мере важных: с одной стороны, Белый представляет оккультизм как прямое следствие и продолжение мистического символизма начала века (теургия, “аргонавтизм”), с другой стороны испытывает его суггестирующее психологическое влияние, почти власть, которая заставит его рассматривать в ‘оккультном ключе’ многие события собственной жизни.

Первые проявления этого интереса связаны с загадочной и неоднозначной личностью, Анной Минцловой, которая в тот период стала

³ А. Белый, *Начало века*, М. 1990, сс. 437-38.

⁴ А. Белый, *Между двух революций*, М. 1990, сс. 324, 326.

⁵ Юрист по образованию, редактор журнала символистского направления “Северное сияние” (с ноября 1908 до июня 1909 г. вышло 8 номеров). Умер в эмиграции. О нем см.: А. Белый, *Между двух революций*, сс. 424-25. Его письма к Белому хранятся в РО РГБ, 25-21-32.

духовным руководителем определенного круга художественной интеллигенции, примыкавшей к символизму:⁶ кроме Белого, — Эллис, Вячеслав Иванов, Эмилий Метнер⁷ и другие. Этому влиянию не были чужды и сестры Тургеневы, и с ними у Белого все в большей степени связывается мечта о создании узкого сообщества адептов, объединенных общностью духовных интересов и стремлением достичь эзотерического и абсолютного знания (мечта, которая на протяжении всей жизни остается для Белого необходимой психологической потребностью).

Летом 1910 г. Белый пишет Метнеру из Боголюб, снова обращаясь к теме этого идеального общества: “Эллис прекрасен; между нами мир и тишина; Сизов — растет, Нилендер — тоже; Петровский — слушает Штейнера; [...] Наташа и Ася [...] просят в Мусагет. Наташа растет не по дням, а по часам”.⁸ Метнер, в свою очередь, быстро сближается с Наташей, оценив ее “душевную глубину”; между ними возникает дружба.⁹

⁶ Анна Рудольфовна Минцлова (ок. 1860-1910?) — теософка. О ней см.: А. Белый, *Между двух революций*, М., 1990, сс. 316-22; Вяч. Иванов, *Собрание сочинений*, т. II, Bruxelles 1974, сс. 771-79; М. Волошина (М. В. Сабашникова), *Зеленая змея. История одной жизни*. Перев. с немецкого М. Н. Жемчужниковой, М., 1993 (1-ое изд.: *Die grüne Schlange*, 1954), сс. 123-25, 132-33 и сл. *passim*; M. Carlson, *Ivanov-Belyj-Minclova: the Mystical Triangle*, в сб.: *Cultura e memoria. Atti del Terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov*, vol. I, a cura di F. Malcovati, Firenze 1988, сс. 63-79.

⁷ Эмилий Карлович Метнер (псевдоним — Вольфинг, 1872-1935) — литературный и музыкальный критик, философ, основатель (вместе с Эллисом и Белым) издательства Мусагет; с 1914 г. жил за границей, стал пациентом, а впоследствии учеником и переводчиком К. Г. Юнга. См.: В. И. Иванов и Э. К. Метнер. *Переписка из двух миров*. Вступ. статья и публикация В. Сапова, “Вопросы литературы” 1994, вып. II, с. 307-46.

⁸ Письмо Белого к Метнеру от 15/28 авг. 1910 г. (РО РГБ 167-2-16, л. 2 об.) О желании Белого теснее объединить эту маленькую группу см. также его письмо к Метнеру от 12/25 окт. 1910 г. (РО РГБ 167-2-18). Михаил Иванович Сизов (1884-1956) — близкий друг Белого по кружку аргонавтов, критик, переводчик и сотрудник издательства Мусагет; антропософ. Алексей Сергеевич Петровский (1881-1958) — ближайший друг Белого, один из основателей кружка аргонавтов, впоследствии антропософ. Сотрудник Румянцевского Музея (и затем ГБЛ), принимал участие в литературной деятельности Мусагета. Владимир Оттонович Нилендер (1883-1965) — филолог-классик, переводчик, тоже примыкавший к аргонавтам.

⁹ Ср. письма Метнера к Белому от декабря 1910-января 1911 г. (РО РГБ 167-5-18 и 167-5-19). В 1914 г. Метнер возобновил на некоторое время отношения с русской общиной в Дорнахе через Н. Тургеневу.

В конце лета определяются планы обеих пар: 26 нояб./9 дек. того же года Ася и Белый отправляются в путешествие и проведут несколько месяцев в Италии и в Северной Африке; вскоре, тоже в Италию, уедут Наташа и Поццо.

По возвращении из долгого заграничного путешествия, в конце апреля 1911 г. они вновь встретятся в Боголюбых; в мае они вместе в Москве, потом снова на лето в Боголюбых. В выношенное Белым духовное сообщество теперь на полных правах входят сестры Тургеневы, и оно все более и более представляется Белому воссозданием эпохи “зорь” и *Симфоний*.¹⁰ Можно сказать, что для Белого начался особый период, “та полоса жизни, – как он напишет в воспоминаниях – в которой судьба мне вычерчивает три лица, особенно связанные со мной до 1915 г.; человеческие отношения разворачиваются различно в зависимости от того, происходит ли этот разворот в дуэте, в трио, в квартете и т. д.; этим летом я наталкиваюсь на трио, от которого завишу впоследствии; это трио есть: А. М. Поццо, Наташа и Ася [...] и стало ясно, что трио – чреватое, очень трудное для меня”.¹¹ Трудности, на которые намекает Белый, обнаружатся позже. Пока же в отношениях внутри маленькой группы доминируют поиски интеллектуального пути, в котором бы окончательно объединились трансцендентность и духовная культура в широком понимании.

Эти поиски вскоре приводят к Рудольфу Штейнеру, о котором было известно уже от Минцловой, бывшей лично с ним знакомой. Эллис уже с 1910 г. стал его ревностным читателем, а с 1911 г. и последователем.¹² Белый и Ася, уехавшие 16/29 марта 1912 г. в Брюссель, живут в состоянии крайнего ‘окультистского’ напряжения.¹³ Суггестивная

¹⁰ “Милый, Вы и Наташа, только вы двое улыбнулись мне в Москве [...] После нашего разговора мне ясно наметился Мусaget (прошлый, настоящий и будущий) в новом, мягком, симфоническом блеске... [...] Сегодня такой благой, лучезарный закат, и что-то милое, невозможное, подкрадывается к сердцу. И хочется справиться надежду, вместе помолчать на заре — чтобы были: Наташа, Ася, Вы, Блок и я... Все возвращается... Опять возвращается...” (письмо Белого к Метнеру от 24 мая 1911 из Луцка, РО РГБ 167-2-42, лл. 1 об.-2 об.).

¹¹ А. Белый, *Между двух революций*, М. 1990, сс. 424-25.

¹² Ср. нашу статью *Эллис и Штейнер* в этом номере (там же библиография).

¹³ См.: А. Белый, *Из воспоминаний*, “Беседа” 2, Berlin 1923, сс. 83-127. О проявлении медиумических способностей Аси и о ее “развивающемся мистицизме и тяге к проблемам духовной культуры” см. также в: *Минувшее* 6, с. 344.

сила *Geheimwissenschaft* Штейнера вовлекает и их в орбиту антропософии: войдя в нее в мае этого года, они останутся там навсегда.

Впечатление от первых встреч с наконец обретенным “Учителем” – сильнейшее, в одинаковой степени и для Эллиса, и для Белого и для Аси. Первая мысль – конечно, та, чтобы объединить под эгидой Штейнера всю группу аргонавтов-мусаметцев. Многие из них вскоре дали себя вовлечь – за исключением лишь третьего редактора Мусаметта, Метнера, который оказал стойкое сопротивление попыткам своих со-редакторов, Белого и Эллиса, ‘штейнеризовать’ его.¹⁴ Наталья Тургенева и Поццо, конечно, были первыми, кого Эллис, Белый и Ася хотели видеть среди учеников и последователей Штейнера. Согласие было мгновенным и восторженным. Наташа присоединяется к ним в Мюнхене в июле-августе 1912 г., потом возвращается в Москву. Далее, вместе с Белым и Асей, к тому времени также вернувшимися в Россию, и с большой группой русских слушателей, она в конце мая 1913 г. приезжает в Гельсингфорс, где Штейнер читает один из своих курсов;¹⁵ в августе Белый и Ася снова в Мюнхене, Поццо и Наташа присоединяются к ним в Берлине в ноябре, на этот раз окончательно. С февраля 1914 г. они живут в Дорнахе, участвуя в строительстве Гетеанума, антропософского храма, задуманного и спроектированного Штейнером.

Во время жизни в Дорнахе отношения внутри маленькой группы усложняются: “Я, Ася, Наташа и А. М. Поццо — связанные тяжелейшими личными отношениями весь 1915 г.”, в течении которого “самый образ Наташи явился для меня олицетворением ‘черной’, демонической женщины”.¹⁶ В описании Белым его отношений с Наташей, “принявших форму болезненного эротизма”, события представлены в его экзальтированно-сдвинутом восприятии.¹⁷ Это вполне вписывается в тот преувеличенно психологизированный, мифологизированный, ирреаль-

---

¹⁴ О попытках ‘штейнеризации’ Мусаметта как со стороны Эллиса, так и Белого, и о последствиях на деятельность издательства, см.: А. В. Лавров, “Труды и дни”, в сб.: *Русская литература и журналистика начала XX века (1905-1917). Буржуазно-либеральные и модернистские издания*, М. 1984, сс. 204-205; М. В. Безродный, *Из истории русского неокантианства (журнал “Логос” и его редакторы)*, в сб. *Лица. Биографический альманах 1*, под ред. А. В. Лаврова, М.-СПб. 1992, сс. 390-91.

¹⁵ “Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita”, 28 мая-5 июня 1913 г. (н. ст.).

¹⁶ *Минувшее* 8, сс. 23., 427.

¹⁷ Там же, с. 432.

ный мир, который был создан Белым, дополнительно поддержан его антропософскими увлечениями и в результате оказался едва ли не второй реальностью, в которой и существовал автор *Петербурга*.¹⁸

Дорнахская жизнь и вместе с ней мечта об узком круге посвященных, включающем сестер Тургеневых, кончается в середине августа 1916 г., когда Белый и Поццо возвращаются в Россию, призванные на военную службу. Для Белого это оказывается концом его отношений с Асей и с Наташей,¹⁹ которые останутся со Штейнером, выбрав путь ортодоксальной верности жизни антропософского общества.²⁰

Публикуемые здесь письма относятся к началу 'ученичества' Эллиса, Белого и Аси у Штейнера и представляют прежде всего психологически-биографический интерес. Роль антропософии в жизни и творчестве Белого является в последнее время предметом пристального внимания литературоведов; при этом продолжает ощущаться недостаток в обобщающей работе, которая могла бы обосновать причины популярности этого течения среди русской интеллигенции 10-х годов. В данном случае мы оставляем в стороне общие проблемы, затронутые в этих письмах: мы ограничиваемся тем, чтобы показать, что здесь, более чем в других мемуарных свидетельствах, выявляется глубинная связь с произведениями Белого, написанными в начале века (крайне важны в этом отношении и письма того же периода к Метнеру, также ждущие публикации): Штейнер дан здесь во всей непосредственности первого впечатления, произведенного им на сверхчувствительное воо-

¹⁸ Отношения Белого с Наташей не могли быть незамеченными в общине Штейнера. Об этом см. письмо Белого к М. Я. Сиверс от 13 янв. 1916 г. в: М. Л. Спивак, *Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс*, "Литературное обозрение", 4-5, 1995.

¹⁹ Белый увиделся еще раз с Асей в декабре 1921 г. в Берлине. Их отношения были окончательно прерваны в апреле следующего года. С Наташей у Белого была краткая встреча в 1923 г. в Берлине, после чего их отношения не возобновлялись.

²⁰ Ася жила в Швейцарии и в Германии и занималась эвритмией; Наташа же на рубеже 20-х и 30-х годов занималась организацией антропософской ложи в Париже. Она откликнулась на второй том книги Н. Бердяева *Философия свободного духа*, где была острая критика антропософии, статьей под названием *Ответ П. А. Бердяеву по поводу антропософии*, "Путь" 25, Paris 1930, сс. 93-104; см. там же отклик Бердяева *Спор об антропософии (ответ П. Тургеневой)*, сс. 105-14). Обе сестры написали мемуары о своей жизни в антропософской общине: N. Turgenicff-Pozzo, *Zwölf Jahre der Arbeit am Goetheanum*, Domach 1942; A. Turgenicff, *Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum*, Stuttgart 1972.

бражение Белого и Эллиса, он предстает в соловьевско-апокалиптическом одеянии, как олицетворение эсхатологических ожиданий, которыми они были вскормлены “на рубеже двух столетий”.

Благодарю И. А. Алпатову, которая любезно разрешила мне опубликовать эти письма, хранящиеся в Москве в ее архиве. Тексты писем публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Слова, подчеркнутые авторами, выделены курсивом. Со-кращенные слова, а также инициалы раскрываются в квадратных скобках; в угловых скобках даются конъектуры.

ПИСЬМА ЭЛЛИСА К Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

1

[Карлсруэ, около 8-го октября 1911 г. (н. ст.)]

Шлю свой самый искренний, самый задушевный привет из Карлсруэ¹ дорогим и милым Наталии Алексеевне, Ал[ександру] Мих[айловичу] и доброй Тане.² Я четыре раза уже слушал Доктора. В личном впечатлении он оставляет вне сравнения все, что дают Его лекции. Это во истину святой, пророк и маг! После его первой лекции у меня был ночью припадок с сердцем, но потом все пошло прекрасно. Читая лекции, он делает странные, изумительно-*<нрзб.>* жесты, которые действительно магически. Его глаза совершенно не сравнимы ни с чем и чем угрюмее, тем прекраснее, *<так>* что хочется на всю жизнь быть около него и слушать, смотреть каждый день. Первую лекцию Он посвятил иезуитам, где напал на них, как на предавших Христа. Эта лекция была буквальным нападением на многие заветные мои мысли.³ Я был так потрясен, что не мог спать вовсе. Перед лекцией меня Ему представили, и Он встретил меня совершенно ласково и смеялся, глядя на меня. Потом Он сказал *г[оспо]же Анненковой,*⁴ которая у него обе-

дала: “Вчера я сразу догадался, кто стоял рядом с Сабашниковой.⁵ Это — поэт Эллис, который все пребывает в средних веках”!⁶ На другой день я написал стихи, где говорю о прощении к иезуитам. Вот отрывок:

Прощенье погибшим и всем затонувшим,
Костры зажигающим сторожевые,
Прощенье доверчиво, детски прильнувшим,
К звезде непорочной. Во имя Марии!
Прощенье рожденным под бранные кличи,
В честь Девы подъявшим мечи боевые,
И тем, у кого умерла Беатриче,
Сжигавшим, сгоревшим... во имя Марии.
Молю я за дев, обрученных с Распятьем
И Агнца венчавших на царства земные*
За всех соблазненных обетом проклятым,
За всех соблаздивших — во имя Марии.
За всех проливавших кровавые слезы,
За рыцарей павших у гроба Мессии,
За горьких безумцев, не видевших Розы,
Молю о прощеньи во имя Марии!⁷

Я послал это стихотворение М[арии] Я[ковлевне] Сиверс,⁸ с которой мы стали уже большими друзьями с первой встречи. Она похожа на Кл[еопатру] Петровну⁹ и тоже говорит афоризмы! Ее отношение к Доктору *святое!*

На другой день я встретил их обоих около дверей дома, где читаются лекции.

Я брал билет... подъехала карета, дверца раскрылась и вышли М[ария] Я[ковлевна], потом Доктор, весь черный, прямой, как струна, совершенно изможденный, в черных перчатках, медленно и легко ставящий одну ногу за другой, точно крадучись. М[ария] Я[ковлевна] подошла ко мне и благодарила за стихи. Доктор протянул мне руку открытым жестом и долго держал ее, улыбаясь, точно подмигивая: “Дескать, все знаю!” Он сказал тихо несколько слов, я расслышал “Ja, ja, Dichter Эллис... zu mir... nach Haus!...”¹⁰ М[ария] Я[ковлевна] сказала: “Приходите к нам завтра в 4 часа обедать, Доктор хочет говорить с Вами. Он завтра свободен!”¹¹

* Т. е. иезуитов (прим. Эллиса).

Я сказал, что пока не желал бы говорить с ним, ибо недостаточно подготовлен.

Она засмеялась и сказала уже на ходу: “Вот, видите! Доктор ведь может быть и человеком, просто так!”. Я рассмеялся и поцеловал ей руку. В то время Штейнер уже поднимался по лестнице с совершенно другим лицом.

Когда он вошел в огромную залу, где говорили 400 чел[овек], все затихло до ужаса. Он имеет обыкновение перед лекцией обходить всю залу. Держится как струна, красиво ставя маленькие ноги в блестящих всегда башмаках, с огромным черным галстуком, в длинном сюртуке, худой до странности, с маленькими кистями рук, без всякого признака щек; смуглый, как араб, с глазами, величину которых нельзя сравнить ни с чем, с маленькой, хрупкой головкой (его голова не больше головы Бориса Николаевича, если не меньше). Доктор тихо, плавно, застывши в строгой позе внимания, совершает обход. Потом становится около кафедры, убранной деревьями и цветами, орган играет прелюдии... Впечатление церкви. Потом ужасающая пауза. Он весь преображается, глаза моргают, на них слезы и голова упорно и повелительно поднимается, руки часто сжимает в форме креста. Раз, два... три... Три шага, он стоит на кафедре и не видит ничего... “*Meine lieben theosophischen Freunde*”¹² металлический, громкий, властный голос. Потом вместо него смотрит *сам Христос*. Потом тишина, орган, 2 минуты общей невольной молитвы, и он опять начинает <...>

Конец письма утрачен. Письмо датируется по содержанию.

¹18 сентября 1911 г. Эллис уехал в Германию на курс Штейнера “*Von Jesus zu Christus*”, прочитанный в Карлсруэ с 4 по 14 октября.

²Александр Михайлович Поццо — уж Н. А. Тургеневой. Татьяна Алексеевна Тургенева (1896-1966) — младшая сестра Н. А. и А. А. Тургеневых, впоследствии жена Сергея Соловьева.

³Одна из *idées fixes* Эллиса была негативная роль ордена иезуитов в истории христианской культуры (ср.: Эллис, *Vigilemus!*, М. 1914, с. 38, 92). Так, иезуиты, с их “приспособительной” моралью и вовлеченностью в государственную деятельность, воспринимались Эллисом в противопоставлении идеалам чистоты и аскетизма, свойственным раннему и средневековому христианству, о восстановлении которого он мечтал. Более того, Эллис был убежден, что “сами иезуиты — лишь орудие [...] черных сил” (письмо Э. К. Метнеру от 22 ноября 1912 г.; РО РГБ 167-7-79, л. 2) и что появление (так же, как и исчезновение) Минцловой было связано с тайным заговором ордена против группы, связанной с издательством Мусагет.

⁴ Ольга Николаевна Анненкова (?-1949) — племянница М. Врубеля; слушательница курсов Штейнера, теософка, впоследствии антропософка, участвовала в Дорнахе в постройке первого Гетеанума. Одна из основательниц Русского Антропософского Общества.

⁵ Маргарита Васильевна Сабашникова-Волошина (1882-1973) — родственница книгоиздателей Сабашниковых, первая жена М. Волошина, художница. В 1911 г. стала ученицей Штейнера, жила в Дорнахе с начала постройки Гетеанума до возвращения в Россию в 1917 г. В годы гражданской войны активно работала в Антропософском Обществе в Петербурге. В 1920 г. окончательно эмигрировала, жила в Голландии и в Швейцарии, в 1924 г. поселилась в Штутгарте, где и умерла. О приезде Эллиса в Карлсруэ и о его вступлении в Теософское Общество см. ее книгу воспоминаний *Зеленая змея*, М. 1993, сс. 201 сл.

⁶ О снисходительном и терпеливом отношении Штейнера к Эллису см.: А. Белый, *Воспоминания о Штейнере*, Paris 1982, сс. 48-51. Однако, если верить тому, что сам Эллис писал с штейнеровских курсов (например Метнеру в письме из Штутгарта от 22 ноября 1912 г.), 'Учитель' немало способствовал усилению склонности к экзальтированной фантазии и визионерству у своего русского адепта: "Вы пишете, что безумство верить в честность Steiner'a. Это много. Он говорил определенно мне: «Я прочел в книге жизни Вашу жизнь в 13 веке. Вы были..... После смерти Вы испытали..... Вы в этой жизни делали.....» Дорогой друг! Пусть это сказано на плохом немецком языке, но что же это? Ведь это великое, чудесное, сверхчеловеческое! Ведь этого мы ждали [...]" [РО РГБ, 167-7-79, л. 4 об.].

⁷ По нашим сведениям стихотворение не было опубликовано.

⁸ Мария Яковлевна фон Сиверс (von Sivers, 1867-1948) — родилась во Влоцлавске, выросла в Петербурге. Сотрудница Штейнера с 1902 г., с 1914 г. — его вторая жена. После смерти Штейнера, издательница его произведений. О ней см. в кн.: М. В. Волошина, *Зеленая змея*, сс. 349-50.

⁹ Клеопатра Петровна Христофорова (ум. в 1934 г.) вела в Москве теософский кружок, который Белый посещал в 1908 г. (см. об этом: М. Carlson, *"No Religion Higher than Truth". A History of the Theosophical Movement in Russia. 1875-1922*, Princeton 1993, сс. 88-94). Впоследствии примкнула к Антропософскому Обществу. Многократно ездила на курсы Штейнера. С 1913 г. — член Эзотерической школы. О ней см. *Минувшее* 9, сс. 462, 468-69.

¹⁰ "Да, да... Поэт Эллис... ко мне... домой!"

¹¹ "Один раз я был приглашен им на кофе и беседовал с ним около 2 ч. через переводчика г-жу Сиверс. Здесь [...] я убедился в Его абсолютном ясновидении и проницательности. Его обаяние много сильнее, чем я думал. Тем не менее я очень страдал, ибо получил от него удар [...] по вопросу о иезуитизме. Но я не считаю возможным критиковать учителя" (письмо Эллиса к Э. К. Метнеру от 16 окт. 1911 г. из Карлсруэ; РО РГБ, 167-7-32, л. 1 об.).

¹² "Мои дорогие теософские друзья".

2

[Третья декада сентября 1912 г. (н. ст.). Базель]¹

Шлю Вам свой горячий привет, милая Наташа! Прошу передать от меня привет дорогому Ал[ександру] Мих[айловичу], о котором все время думаю, как о близком человеке, как бы невидимо уже бывшем здесь... Я вспоминаю Ваши обороненные слова о том, что он *бредил* Граалем. Это для меня все! Я понимаю только 3 <вещи>, Люцифера в первый момент отпадения, когда собранная вместе в одном Его взоре вся скорбь, все безумие, все негодование, весь ужас и вся гордость, которые потом “по маленькой” были разбросаны Им в космосе. Этот взгляд и это падение “Первого Гордеца”, как назвал Данте Великого Люцифера,² и есть единственно существующее.³

Уже Троица есть первый шаг *Offenbarung*,⁴ т. е. когда утрачивается первоначальное единство. Steiner говорил в Мюнхене,⁵ что всякое *проявление* от Люцифера, значит отпадение глубже и раньше Троицы. То, что я пишу — ересь, но я знаю, что раньше, что это было так и никто меня не переубедит.

Мне хотелось бы с Вами быть вполне откровенным, ибо вообще люди *этого* не понимают, даже Як[об] Беме⁶ смешит со своим Люцифером. Я же *помню* это первое отпадение.⁷

Вообразите всплески рук, миг, когда он понял, что отпадение должно стать *вечным* (Steiner в интимной аудиенции согласился, что оно *вечно*), что прощения не будет, ибо он свободен, что у него нет Марии, что он будет одновременно распят и распинать, короноваться и развенчиваться, рыдать и хохотать, любить и ненавидеть...

О какой скорби можно говорить, когда Он уже отпал и утешений быть не может, о каком безумии, когда “Высший всех Ангелов” — безумец, о каком смехе, когда всякий смех — Его смех в нас, о каком вопле, когда космический свист и крик застыл в вечности. Один раз во “сне”⁸ я слышал этот крик, бесконечное *crescendo* совершенно явственно. Я стоял во сне у окна многоэтажного здания, внизу бежали люди — точки. Крик возрастал, он становился нестерпимым, все было крик. Нужна была *жертва*, чтобы сделать его тише, и в комнату вошло видение — девушка (как бы из христианских) мучениц, знакомая, родная с жертвенно-тихими жестами, как бы до рождения присужденная. В белой одежде вся, полузакрыв глаза, совершенно чистая и

святая. Казалось, что ее имя было просто Sancta! И вот ее родная мать ритуально простерши руки под какую-то музыку, которая была совершенно безумна, но походила на *детский* органчик и была ритуально-монотонна, ее мать тоже в белой одежде держала ее, совершенно безучастную, на своих руках, простерши их из окна над улицей-бездной. Потом совершенно тихо и ритуально, как творят крестное знамение, мать раздвинула руки. Кричащий в мировых пространствах ужаснулся и зачих... Я проснулся, потом, б[ыть] м[ожет], об этом событии читалась лекция в теософском обществе, ее конспектировали, потом она поехала в Россию в записях, потом мои друзья говорили, что эта девушка была не Sancta, а Beata, что можно было бы выбросить из окна и молодого человека, что в книгах Steiner'a не доказано, что здание должно быть многоэтажное — но к счастью все это было лишь во сне...

Если вам лично говорит что-либо этот мой сон,* то мне хотелось бы Вам сказать, что для меня всякий оккультизм — падение из окна на мостовую.

Я лично смертельно обожаю Steiner'a, ибо в Его самой популярной книге⁹ почувствовал, что он выброшен из самого Рая, как величайшая жертва, что, конечно, и Он <разобьется>, чтобы вопль Люцифера на миг стал тише, что все движение, Им созданное, люди — точки на улице, что и крестовые походы начаты были и внушены Им же, но окончились торговлей крестоносцев с Султаном и разграблением Византии. Я знаю, что больше 12 рыцарей не может жить на земле в одно и то же время, я знаю, что мистерии Грааля были руководимы Им, что сейчас должно быть иное, как бы продолжение их, что крест и сосуд — одно, что семь красных роз выросли из пречистой крови, что рыцарство (единственная опора на земле) вечно, лишь меняет свои формы...

Но я не вижу 12 рыцарей около Steiner'a, я знаю лишь *одного* из них наверное.

Я не смею рассуждать, я должен лишь *ждать*. Б[ыть] м[ожет], лишь в России они воплотятся, а все немецкое движение — лишь подготовка.¹⁰ Во всяком случае я жду скорых гонений на это движение, даже внешнего разгрома, что для меня всего желательнее, ибо тогда отпадет 9/10 общества, и времени свободного у Steiner'a будет больше. Он отдохнет, будет легче чаще с нами говорить. Во всяком

* Иоганна вполне его понимает и признает (прим. Элліса). См. ниже прим. 12.

случае я жду вскоре многих событий здесь. Вчера он подходил ко мне до лекции и сказал: “Я вам назначу аудиенцию и буду говорить с Вами о Ваших вопросах” довольно строго, но улыбаясь.

Между прочим вся последняя моя тетрадь — возмущение против Гете и его наглого отношения к Данте.¹¹ Я жду с нетерпением этой аудиенции. Она должна быть важной для меня. Я по-прежнему верю только (все б{ольшее} и б{ольшее}) в возможное развитие в замкнутом кружке, отрезанном от немцев, которые все атеисты и идиоты; Боря и Ася все б{ольшее} и б{ольшее} сближаются с Иоганной.¹² Мы всегда неизменно собираемся вместе и вспоминаем Вас и Улича.¹³ Впрочем, Улич чуть не пропил своей души. Ради Бога, сообщите о нем, тверд ли он и не заикнунулся ли слишком снова. Я безумно мечтаю о <возникновении> в будущем, когда движение станет еще б{олее} внешним, монастыря, куда можно было бы удалиться для действительного, реального сношения с Духами и развития ясновидения. Я верю, что так и будет. Во всяком случае, спастись и победить Люцифера можно только выбросившись из окна.

Вспоминаю Ваши слова об острове (в географии), где всегда весна. “Почему же все люди не ждут чуда!”

В этих словах Вы изумительно точно сформулировали то идиотически-наивное, фанатическое, совершенно натуральное безумие, без которого немисливо религиозное движение и которое слава Богу еще в России не умерло.

В Германии все кончается §§, логикой, vortrag’ами,¹⁴ обществами, билетами, платой за калоши, цитатами из Гете и Канта, одним словом — культурой, т. е. скукой. Я жду серьезных возражений против Доктора от Рачинского,¹⁵ Метнера. Вы можете их прислать. Часто любовно вспоминаю д’Альгеймов. Эти вылетали из окна!

Не бойтесь, что я устрою скандал в обществе. Иоганна взяла с меня слово не скандалить; кроме того, я перестал с немцами разговаривать, я разговариваю с русскими и голландцами.

Моя политика — быть фанатически верным Доктору, но все время становиться между ним и теософами. Мне удалось многое в этом смысле:

1) с письмом о <Боре мимо Калькрейт ?>.¹⁶ Этого мне они не простят. Они уже это раскусили и закусили <удила>, а я подаю им пальто и вежливо целую руки, но не разговариваю и делаю вид невинности.

2) Первой и самой близкой ученицей Д[окто]ра считается Иоганна. Мне удалось убедить ее прекратить сношения с немцами, перестать с ними разговаривать и видеться. Она с благодарностью сказала мне, что я спас ее от полного отчаяния — быть среди людей, которые ничего не понимают в разрыве ее. Теперь мы всегда вместе, на улице, на лекции, дома. Я не отхожу от нее ни на шаг и этим не даю возможность с Ней говорить теткам¹⁷ и вообще немцам. Они бесятся, я кланяюсь все вежливее и вежливее, стоя к ней все ближе и ближе.

Фрау В.¹⁸ сделала ей сцену, никто ничего не понимает, собираются ее спасти от влияния “русского”, который с помощью черной магии завладел бедным Ангелом. Я нарочно с наивным видом заявил одному немцу, который все объяснял мне, что у русских нет *Bewusstseinsseele*,¹⁹ что у нас в России все есть, что у них есть в обобществе только одно лицо, способное нас русских понимать, а именно Фрау Полманн, что поэтому Она представляет для нас интерес, а все другое нас интересовать не может после Толстого, В. Соловьева. Немец побелел, потом перестал меня замечать. Вообще скандал полный! Иоганна хохочет до слез. Она говорит, что будет работать только в России и только со мной и Борей, которого она понимает. Я каждый день занимаюсь с ней символизмом.

Steiner же всячески нам покровительствует. Сиверс и Валлер²⁰ тоже. Вообще нужно до костей бороться с теософией и немцами во имя Христа, Люцифера и России. Жду от Вас писем!

На конверте: Москва. Пречистенский бульвар, дом № 31. Мускет. Н. А. Тургеневой. Московский почтовый штемпель: 19. IX. 12. На обороте конверта: Schwarz, Basel, Hotel Bären, n. 22.

¹С 15 по 24 сентября 1912 г. Штейнер читал в Базеле курс лекций “Das Markus-Evangelium”.

²Paradiso XIX, 46: “E ciò fa certo che 'l primo superbo, / che fu la somma d'ogne creatura, / per non aspettar lume, cadde acerbo [...]”.

³В своеобразном религиозном мировоззрении Эллиса “все космологии, теогонии, мифологии, все религии, все традиции мистерий, все эзотерические первоисточники сходятся в указании на, изначальное падение Перво-Духа, Перво-Света (Lux Prima), ставшего как бы Deus Inversus в космическом процессе” [Эллис, *Vigilemus!*, М. 1914, сс. 14-15]. В этом “великом и изначальном разрыве между Богом и человеком, Творцом и тварью, который начался с самого совершенного Духа, бывшего до своего падения Lucifer'ом (Светоносцем света самого Бога Отца)” (там же) и в образе Христа как восстановлении этого утерянного единства для Эллиса

сосредоточена вся история духовного развития человечества. Отсюда интерес Эллиса к тем формам духовных христианских идеалов разных эпох, в которых он видит *imitatio Christi*: средневековая мистика, чаша Грааля, рыцарство ("Есть одна идея, которая меня исчерпывает [...] Это идея рыцарства [...] Первый среди рыцарей — Христос. Таким он являл себя в мистериях Грааля. Отсюда — рыцарство. Подвиг активной любви, *restitutio in interum* мира, победа над страстями, независимость от 'мира сего', а затем защита правды на земле. [...] Иерархизм — (*gradatio*, отсюда *gradalis*), как восстановление того, что разбил Lucifer в космосе" [письмо Э. К. Метнеру от 13 января 1913 г.; РО РГБ, 167-8-1, л. 4]), розенкрейцерство, некоторые черты европейского романтизма, Вагнер. В эту линию, по его мнению, вписывается и русский символизм: "Русский символизм с каждым днем и часом все более и более становится подлинным, христианским искусством, горестным песнопением о падении человеческой души, молитвой об искуплении и песнью радостной о спасении" [*Vigilemus!*, с. 48].

⁴ *Offenbarung* — откровение, раскрытие.

⁵ Имеется в виду курс Штейнера "Von der Initiation. Von Ewigkeit und Augenblick. Von Geisteslicht und Lebensdunkel", прочитанный в Мюнхене с 25 по 31 августа 1912 г.

⁶ Якоб Бёме (1575-1624) — немецкий философ и мистик, для учения которого характерно слияние натурфилософии, теологии, алхимии и астрологии. Его книга *Аврора, или утренняя заря в восхождении* (1612) была переведена на русский язык А. С. Петровским (см. прим. 8 к предисловию).

⁷ Падение Люцифера — одна из основных составляющих фантастико-мифологического мира Эллиса. См., например, следующий пассаж: "Я фантастичен настолько, что до конца в субъективную реальность моих фантазий никто не верит. В этом мой трагизм. Между тем я искренно кусал себе губы и исходил слезами представляя первый миг падения Lucifer'a всегда, в детстве и теперь. [...] Я вижу Бога, самосознание которого, ставшее существом, вдруг опрокидывается. Два Бога, затишье перед бурей и... вся трагедия бытия. Это — центр всего, что я пережил [...] Steiner'a я люблю фантастически и реально, ибо он сказал мне о Lucifer'e нечто особенное, а я люблю Lucifer'a нечеловеческой любовью и все земное совершенство перед Его ошибкой — одно безстыдство или космическая скука" [письмо к Э. К. Метнеру от 22 ноября 1912; РО РГБ, 167-7-79, лл. 7 об.-8].

⁸ Примечательно, что Эллис (вслед за немецким романтизмом и под явным влиянием Бодлера, считавшего сон "*le côté sumaturel de la vie*") приписывал сну как форме визионерского познания высшей реальности громадное значение: об этом свидетельствует та тщательность, с которой он излагает и толкует свои сны в письмах к Метнеру 1911-1913 гг., и замечания, разбросанные в его *Записных книжках*: "*tes — rêve — realiora*" [РО РГБ, Мет., пап. 1, ед. хр. 18, л. 9 об.]; "культ сновидений", "*realiora — ясновидения*" [там же, лл. 11-11об.]; "лучшая часть нашего 'я' не обнаруживается ли во снах?" [РО РГБ, 167-10-20, л. 31]. Упоминания о нереализованном плане написать книгу о сне (называемой то *Книга снов*, то *Амфилада снов*, то *Гирлянда снов*) часто встречаются в *Записных книжках* Эллиса. Этот интерес к миру сновидений, живо поддерживался и Метнером.

⁹Вероятно, речь идет о книге Штейнера *Теософия* (1-ое нем. изд. 1904; 1-ое русс. изд. СПб. 1910, пер. А. Р. Минцловой).

¹⁰Эллис был убежден, что вся экзотерическая часть штейнерианского движения России не была нужна: здесь, группой тех, кто сотрудничал с издательством Мусажет, уже была создана идеальная почва для перенесения эзотерического и инициированного ядра штейнерианства. Отсюда его настойчивое стремление убедить Метнера в том, что Штейнер — тот духовный вождь, которому их группа должна довериться: “В наше ужасное время один голос [...] зовет и вещает о [...] тайнах, на которые намекали романтизм, Гете и Вагнер, о тайнах мистерий Грааля и Ф” [письмо Э. К. Метнеру от 12 сентября 1912; РО РГБ, 167-7-70, л. 3 об.]; “в России нужен Штейнер, но не Его теософия, которую он специально для Германии временно приспособил” [письмо Э. К. Метнеру от 2 ноября 1912; РО РГБ, 167-7-77, л. 12]. К этой теме Эллис возвращается и в письме 3. Об отношении Штейнера к русской части теософского-антропософского движения см.: M. Carlson, “No Religion Higher than Truth”, сс. 94-104; М. В. Волошина, *Зеленая змея*, сс. 352 и 370-71.

¹¹По всей вероятности, здесь Эллис имеет в виду известное высказывание Гете о *Божественной комедии*: “Мне Ад казался совсем ужасным, Чистилище двусмысленным, а Рай скучным” (“Mir komme die Hölle ganz abscheulich vor, das Fegefeuer zweideutig und das Paradies langweilig”: J. W. Goethe, *Sämliche Werke nach Epochen seines Schaffens Münchener Ausgabe. Band 15. Italienische Reise* [Herausg. von A. Beyer und N. Miller], München 1992, S. 461).

¹²Иоганна Польшман Мой (Johanna Polman Mooy) — “урожденная голландка, спиритка, потом — астролог, наконец, теософка, одна из талантливейших штейнеристок” (А. Белый, *Из воспоминаний. У Штейнера*, “Беседа” 2, Берлин 1923, с. 114), сблизилась с Эллисом в 1912 г. и вскоре оказалась под его влиянием, вплоть до выхода из Антропософского Общества вместе с ним и до разрыва со Штейнером в начале 1913 г. Духовному и интеллектуальному союзу Эллиса и Иоганны Польшман суждено было длиться до конца их жизни (о чем см. в статье Х. Виллих и М. В. Козьменко, *Творческий путь Эллиса за рубежом*, “Изв. Рос. Академии Наук. Сер. лит. и яз.” 1993, т. 52, № 1, сс. 61-69). О встрече с Польшман Мой Эллис писал Э. К. Метнеру: “невероятное событие в моей жизни, о котором напишу Вам подробно: я встретил среди интимных учениц Доктора одну — совершенно прекрасную Даму, которая помнит меня в прежней инкарнации, именно в средневековой, о которой Доктор говорил мне, как о реальном переживании мною всех моих символических грез теперешних: рыцарства, крестовых походов, связи с Дьяволом [...]. Эта встреча моя была столь необычайна, совершенно романтична [...], что передать ее немислимо” [письмо из Берлина от 6 мая 1912; РО РГБ, 167-7-59, л. 1].

¹³Неустановленное лицо.

¹⁴Vortrag — доклад, лекция.

¹⁵Григорий Алексеевич Рачинский (1859-1939), литератор и философ, председатель Религиозно-философского общества в Москве.

¹⁶Калькрейт (Gräfin Pauline von Kalckreuth, 1856-1929) — немецкая теософка и антропософка. О ней см. у Белого в *Воспоминаниях о Штейнере* и в *Минувшем 6*.

Можно предположить, что Эллис здесь намекает на свое посредничество в представлении Белого Штейнеру.

¹⁷“Соединение сектанства с поразительным отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософов, которые были прозваны ‘теософскими тетками’; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским). Да, ‘тетка’ есть тип; подавлял он количеством” (А. Белый, *Из воспоминаний. У Штейнера, “Беседа” 2*, Берлин 1923, с. 117).

¹⁸Возможно, речь идет о Гарриет Фрейн фон Вакано, которая состояла в переписке с А. Р. Минцловой (см. ее письмо от 5/18 декабря 1907 г., ОР ИРЛИ, 562-6-220). Ср.: М. В. Волошина, *Зеленая змея*, с. 398.

¹⁹Bewusstseinsseele — сознающая душа.

²⁰Валлер (Mieta [Maria Elisabeth] Waller-Pyle, 1883-1954) состояла в тесной дружбе с Штейнером и с Сиверс. Принимала участие в постановке мистерий Штейнера. Многократно упомянута в *Воспоминаниях о Штейнере Белого*.

3

[Около середины октября (н. ст.) 1912 г.
Дегерлох (близ Штутгарта)]

Горячий привет Вам, дорогая Наташа и милому Ал[ександру] Мих[айловичу], о котором я думаю все время с большой любовью и надеждой! Жаль, что Москва не дает Вам обоим возможности писать! Но я и без того чувствую в вас обоих глубокое и искреннее сочувствие нашему центру! Не забывайте, что я готов каждую минуту сделать (насколько могу) решительно все для Вас и Ал[ександра] Мих[айловича] в смысле оккультизма. Прежде всего в вопросе о личном свидании Ал[ександра] Мих[айловича] с Доктором.¹ Когда бы он не захотел этого, я всегда к его услугам! Пусть он знает, что приют здесь ему обеспечен. Благодаря влиянию и близости к Д[окто]ру моего друга Иоганна П[ольман], Ал[ександр] Мих[айлович] всегда сможет без хлопот и помимо теток получить легкий доступ к Д[окто]ру и помощь в тысяче прочих случаев. Хотя я мало жизненно с Ал[ександром] Мих[айловичем] знаком, но веря в Вас и чувствуя духовно в Ал[ексandre] Мих[айловиче] много близкого и настоящего, я стремлюсь всей душой больше и больше сблизиться с ним и верю, что его интерес к Д[окто]ру должен дать плоды. В Вашей преданности Д[окто]ру и самостоятельности не может быть сомнений ни у кого из нас, соста-

вляющих наш естественно возникший “кружок”. Иоганна Вас полюбила,² и мы чувствуем Вас! *В общем* я продолжаю все б(ольше) и б(ольше) убеждать, что все дело в личности Д(окто)ра и том последнем, не называемом безупреч(ном) центре, который он изобразил в мистериях в образе *Sonnenteufel*³ и, конечно, в безграничном чувстве Христа. Немецкая “теософия” лишь подготовка подготовки. В России не лежи, не лекции нужны, а братство и новая церковь, но *Учитель один!* Должно бороться не с Steiner’ом, а с формами немецкой, полу-религиозной теософии. Впрочем нам русским что за дело до нее? На свои собственные запросы найдем мы ответы у Него! Ради Бога поговорите примирительно с Метнером! Убедите его, что я готов на 10000 уступок, понимая особенность его пути и воззрений, требуя от него лишь 2 вещи: 1) непосредственности, черпания из первоисточника, беседы с Д(окто)ром, 2) лишь пассивного, принципиального признания прав оккультизма в Му(sage)те и моих прав стремиться к синтезу символизма и оккультизма.⁴ Слово “теософия” я и сам готов похерить!

Поговорите!

Центр наш развивается и прочен, хотя 1 раз чуть не был опрокинут. Трудно стоять так близко к Иному Центру! Неделю тому назад было ужасное влияние, я впадал в какой-то транс и воспламенялся эфирно там по целым часам. Много страшных Врагов около нас, невидимых и страшно сильных! Одно время даже Иоганна запуталась и стала ужасаться! Были вихри в комнате, удары, вспыхивания и во время сна нас физически душили.⁵

Теперь все прекрасно!

Не забываете нас! Всем нам легче вместе духовно! Расстояние не должно влиять! Я был так счастлив получив от Д(окто)ра медитации, связанные с Граалем и старыми мистериями!

Ваш Эллис

Herzliche Grüße von Johanna Polman Mooy.⁶

На конверте: Москва. Кудринская Садовая. Дом Шереметьева, кв. 92. Н. А. Тургеновой. Московский почтовый штемпель: 13. X. 12. На обороте конверта: **Stuttgart, Degerloch. 14 bei Traub Panaratestrasse. Herr doctor Ellis.**

¹ Поццо встретился с Штейнером только в конце мая 1913 г. в Гельсингфорсе, куда приехал вместе с группой русских (среди которых, Наталья и Ася Тургеневы и

Белый) на курс Штейнера "Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita" (28 мая-5 июня н. ст.); тогда же он вступил в Антропософское Общество (ср. у А. Белого в *Минувшем* 6, с. 353).

²Наталья Тургенева познакомилась с Польман Мой в Мюнхене в августе 1912 г.

³Sonnenteufel — солнечный дьявол.

⁴Речь идет о конфликте, возникшем внутри редакции Мусагета в связи с попытками Белого и Эллиса повернуть в сторону антропософии идейное направление журнала "Труды и дни". О попытках Н. Тургеневой примирить участников конфликта см. ее письма к Метнеру (РО РГБ, 167-14-52).

⁵О такого рода явлениях Эллис неоднократно говорит в своих письмах 1912-1913 гг., признавая, что "дело дошло [...] почти до психического расстройства" (письмо Э. К. Метнеру, январь 1912 г.; РО РГБ, 167-7-50, лл. 3 сл.). Впрочем, все пребывание Эллиса у Штейнера, до самого разрыва с ним, сопровождалось ощущением близости к безумию: "Разочарование мое во всем движении стоило мне ужасных человеческих страданий, почти полного психоза" (письмо к Э. К. Метнеру от 13 марта 1913 г.; РО РГБ, 167-8-3, л. 3).

⁶Написано, по видимому, рукой И. Польман Мой.

ПИСЬМА А. БЕЛОГО И А. А. ТУРГЕНЕВОЙ К Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

4

[конец мая — начало июня (н. ст.) 1912 г.]

Милая, милая, милая Наташа!

Скорей, милая, учитесь немецкому и приезжайте непременно. Я зову Вас серьезно, *по опыту*. Вам *очень* нужно увидеть Штейнера. Приедете и узнаете почему: вот уже 2 месяца, как мы с Асей сумасшествуем: нет — то не сумасшествие. Ведь с нами происходили прямо *невероятности*, совершенно реальные необъяснимые вещи.¹

Около Штейнера хорошо, только запасайтесь силами: страшное напряжение. Изготовьтесь к тому, чтобы перенести в его антураже всякие недомогания. Если будут препятствия, милая, то напишите о них нам: вообще, рассматривайте препятствия, как нападения. Непременно будут *гождения*, и всякими мелочами будут *бить под ноги*: не обращайтесь внимания и приезжайте...

В Мюнхене нам будет хорошо и спокойно, особенно <если приедете> в июле,² прямо из Боголюб. В июле в Мюнхене из знакомых будет лишь Эллис, а он — ничего: не мешает.

В августе же, к курсу,³ приедут: Христофорова,⁴ жена Сизова,⁵ Сабашникова,⁶ может быть, Петровский,⁷ а может быть и Киселев.⁸

Будет интересно и важно по-иному: но чтобы вжиться, лучше приехать к нашему приезду. Самое позднее, мы будем в Мюнхене 8-го июля, то есть русского июня 25-го. Если бы вы приехали числа 9, 10, то было бы дивно. Пишите нам в <нрзб.> о сроках и числах. Помните, уже только месяц с небольшим отделяет нас. Ну, Христос с Вами. Целую Ал[ександра] Мих[айловича]. Целую Танечку.⁹ Бесконечно преданный Вам

Борис Бугаев

[приписка А. Тургеневой]

Наташа, о каких ты пишешь препятствиях. Деньги? Но мы получили неожиданно лишних 200 р[ублей], и это нас вполне устраивает. Если у тебя нет на дорогу, рассчитай, сколько надо и сейчас же напиши, мы доставим через Мусагет и Алешу¹⁰ или вышлем отсюда.¹¹ Все это очень просто. Маша?¹² Но Машу можно оставить и в Москве, и у мамы. Если это невозможно, то вполне можно взять и с собой. Но боюсь для тебя лишней усталости. Других препятствий не вижу, а ехать необходимо, <...>

Конец письма утрачен. Письмо предположительно отправлено из Брюсселя или из Bois-le-Roi (Франция). Датируется по содержанию.

¹ Речь идет об “окультурных переживаниях”, начавшихся сразу после отъезда Белого и А. Тургеневой из Москвы (они уехали 16/29 марта 1912 г. в Брюссель). См.: *Из воспоминаний. В Брюсселе, “Беседа” 2*, Берлин 1923; *Письма А. Белого к А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой*. Публ. Дж. Мальмстада, “Новое литературное обозрение” 9, 1994, сс. 119-20; *Минувшее* 9, с. 437.

² Н. А. Тургенева приехала в Мюнхен в июле 1912 г. О жизни в Мюнхене до начала теософского съезда Белый пишет Э. К. Метнеру: “1) каждый день уроки немецкого языка для Наташи и Аси 2) каждый день перевод мистерий 3) лекции Эллиса по важным циклам, которые мы не успели прочесть 4) мы переводим циклы 5) работа, заданная мне Доктором 6) режим, требующий особой сосредоточенности” [РО РГБ, 167-2-67, л. 2]. См. также *Письма А. Белого к А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой*, “Новое литературное обозрение” 9, 1994, сс. 123-26.

³ 14/27-августа 1912 г. Белый пишет матери из Мюнхена: “Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М. И. Сизова, Викентьев, Киселев, Мадаме Недович, Волошина, Григоров с женой, и др. Из Петербурга приехала Сер[афима] Павл[овна] Ремизова, жена Алексея Михайловича” (“Новое литературное обозрение” 9, 1994, с. 124). См. также: А. Белый, *Из воспоминаний*, “Беседа” 2, 1923, с. 126.

⁴ Ольга Павловна Сизова — врач, теософка, первая жена М. И. Сизова (см. прим. 8 к предисловию). Сизовы были антропософами и принимали участие в строительстве первого здания Гетеанума.

⁵ См. прим. 5 к письму 1.

⁶ См. прим. 8 к предисловию.

⁷ Николай Петрович Киселев (1884-1965) — аргонавт, секретарь редакции издательства Мусагет с 1913 г. по 1915 г.

⁸ Т. А. Тургенева (см. прим. 2 к письму 1).

⁹ Вероятно, речь идет о А. С. Петровском.

¹⁰ Так и было (ср. письмо Белого М. К. Морозовой, “Новое литературное обозрение” 9, 1994, с. 130).

¹¹ Дочка Н. Тургеневой и А. Поццо, родившаяся в конце октября 1911 г.

5

[Между 3 и 13 сентября (н. ст.) 1912 г. Базель]

Милая, родная Наташа,

вот ведь недавно были мы вместе,¹ а уже опять далеко, далеко: и у каждого своя злоба дня. Вы в Москве, мы — в Базеле. Базель очарователен: лучше даже по-моему Брюгге. Целые кварталы из домов XVI и даже XV века; на домах так и стоит: 1592 год (надписи); сейчас пробродили с Асей 2 с половиной часа по закоулкам и все не могли налюбоваться. Город очарователен: жить бы да работать, а вот...

У нас уже завелась здесь своя злоба дня, невеселая и пока *тягостная*; и вот по поводу этой злобы дня Тебе пишу с просьбой в крайнем случае что-либо предпринять.

В Базеле нет комнат *абсолютно*. Взять комнату у теософов невозможно, ибо жить в комнате с *Mademoiselle Tourgueneff* нельзя, по комнатам ведется контроль. Так что надо искать на свой риск и страх. Мы ничего не нашли.

Приходится жить в отеле и платить за мерзкую, холодную комнатушку с полупансионом по шести франков в день, т. е. 12 франков за обоих. Еще всякая мелочь, т. е. минимум приходится платить 20 франков в день. Денег всего 190 франков, т. е. ровно на 9 дней. А с присланными Ал[ександром] Мих[айловичем] и Киселевым проживем еще дней 5, ибо придется через десять дней сделать взнос за теософские листки. Далее — ничего.

Ехал в Базель с надеждой, что конечно уже лежит ответ от Марг[ариты] Кирилл[овны].² Никакого ответа, а ответ просил телеграммой (прошло 14 дней). Она либо не в состоянии нам помочь, либо тоже, как Метнер, неизвестно где, либо за границей, либо письма пропали. Метнер — неизвестно где.³ И Мусaget мне не вышлет. Пока же буду восстанавливать истину о Марг[арите] Кирилл[овне], пройдет еще дней 20. А денег у нас в лучшем случае дней на 12-14.

Дней через 20 нечего будет уплатить по счету. Вот отсюда-то и вытекает, милая Наташа, моя просьба: 1) Скажи Киселеву о нашем положении, чтоб немедленно, если еще не выслал 100 марок, выслал бы по телеграфу на адрес: Suisse. Bâle. Hôtel Bernerhof. Chambre № 20. A monsieur Boris Vougaïeff. 2) Наведи через кого-нибудь справки, где Марг[арита] Кирилл[овна]. 3) В случае нашего отчаянного кризиса (дней через 7, когда выяснится окончательное молчание Марг[ариты] Кирилл[овны] мы присылаем Тебе телеграмму с текстом “Rien encore”. Вы с Ал[ександром] Мих[айловичем] напишите тотчас Анне Алексеев-не⁴ с просьбой занять у нее рублей 300 до присылки соответствующей порции или до Некрасова (декабря месяца)⁵ и с уведомлением, что письмо мое с просьбой послано, чтобы она тотчас же выслала сколько может (от 150 до 300) рублей в Базель по адресу. Либо расскажите Сереже⁶ (покажите мое письмо ему) с просьбой помочь на тех же условиях. Предупредите обо всем этом в том случае, что если через 7 дней ни от кого — *ничего*; ибо тогда уже поздно будет писать из за-границы (и легче писать из Москвы); тогда останется лишь путь телеграмм и *воплей* о помощи.

К довершению неприятности Ася и я немного простужены и чего доброго может приключиться с нами история с простудой à la Брюссель.⁷ Тогда совсем плохо. Итак, родная, при получении телеграммы “Rien encore” как-нибудь стремительно нам помогите и ответьте тотчас телеграммой. А то совсем — скандал. Ася дрожит, и подозреваю, что завтра у нее будет жар. Ну как тут работать: мерзнем и беспокоимся. А Москва — ни звука. Ну, Христос с Тобой. Так надеюсь на помощь Ал[ександра] Мих[айловича]. Целую, жму руки

Борис Бугаев

Предупреждаю, милая, чтобы в случае, если придется писать “Rien espere” — тот, кто согласится помочь нам, выслал стремительно переводом по телеграфу. Все дело в быстроте: да и кроме того, порядочно так и с деньгами возникает моральных мучений ожидания, беспокойства, стыда перед отдельными хамами; ибо швейцарцы — хамы: глядят в рот и крадут, где плохо лежит: не то, что в Мюнхене. Мы опять — одни, забытые, презираемые. Лев и Фрау Полманн появятся сюда еще дней через 9.

В этой отрешенности от людей был бы уют свой, если бы были деньги: а без денег, все это обертывается лишь тревогою. Холод здесь совершенно октябрьский, вспоминаем, как мерзли в Италии.

Письмо без конверта, датируется по содержанию.

¹Сразу после окончания мюнхенского курса, в начале сентября 1912 г. (н. ст.), Н. Тургенева уехала в Москву, а Белый с А. Тургеневой в Базель на курс Штейнера “Das Markus-Evangelium” (15-24 сентября н. ст.); см. письмо Белого к матери от 21 авг./3 сент. 1912 г.: “Мы едем в Базель. Ася укладывается, а я сейчас поеду на вокзал. [...] Сегодня утром проводили Наташу. Москвичи разъезжаются” (“Новое литературное обозрение” 9, 1994, с. 126).

²Маргарита Кирилловна Морозова (1873-1958) — жена известного фабриканта и коллекционера М. А. Морозова, принимавшая активное участие в культурной жизни Москвы, учредительница издательства Путь и Московского религиозно-философского общества. В начале 10-х гг. оказывала Белому моральную и материальную поддержку. Белый обратился к Морозовой в начале сентября (н. ст.) 1912 г. с настойчивой просьбой помочь ему, оказавшемуся в трудном финансовом положении: “Милая, дорогая: сейчас через 3 недели не на что жить, неоткуда занять, а надо 1) из Базеля ехать в Берлин и там устраиваться, 2) жить в Берлине, 3) отправить Наташу, сестру Аси, в Москву [...]” (“Новое литературное обозрение” 9, 1994, с. 130; письмо, как можно предположить, было отправлено еще из Мюнхена). Положительный ответ от Морозовой Белый получил в Базеле 13 сент. 1912 г. (н. ст.), через несколько дней после отправления публикуемого письма.

³Белый обратился и к Метнеру с просьбой о денежной помощи (ср. письмо из Мюнхена от 9/22 авг. 1912 г.; РО РГБ, 167-2-67). Непосредственно от Метнера Белый получил ответ — отрицательный — только некоторое время спустя (ср. письмо Метнера к Белому от 6/19 окт. 1912 г.; РО РГБ, 167-5-37).

⁴Возможно, Анна Алексеевна Рачинская (ум. в 1916 г.), сестра Г. А. Рачинского (см. прим. 15 к письму 2). В ее имении в Бобровке (Тверской губернии) Белый прожил с 20 февр. до середины марта 1909. Он приезжал туда и в декабре 1911 г., для работы над *Петербургом* (см.: А. Белый, *Между двух революций*, сс. 313, 531, 556).

⁵Константин Федорович Некрасов (1873-1940) — издатель. После отказа редакции “Русской мысли” опубликовать *Петербург* Белый в феврале-марте 1912 г. продал написанную к этому времени часть романа издателю Некрасову за 2200 рублей. Половина была выплачена сразу, остальная сумма должна была быть выслана ему за границу по получении новых глав романа. Как известно, публикация *Петербурга* в издательстве Некрасова не состоялась и роман увидел свет в альманахе *Сирин* (сб. 1-3, СПб. 1913-1914). Об этом см.: Л. К. Долгополов, *Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого “Петербург”*, в кн.: А. Белый, *Петербург*, М. 1981, сс. 557 сл., а также: А. Белый, *Между двух революций*, М. 1990, сс. 437-40.

⁶Сергей Михайлович Соловьев (1885-1942) — племянник Вл. С. Соловьева, ближайший друг Белого, поэт, прозаик, переводчик, религиозный публицист.

⁷Белый упоминает об этом эпизоде и в письме М. К. Морозовой: “И вдруг простуда (у Аси и у меня). Помня прецедент с Брюсселем, как мы оба, едва приехав в комнату, свалились в жару и даже не могли никого известить, ни пойти на почту, ни разменять денег, я совсем пришел в ужас [...] И телеграфировал Вам” (“Новое литературное обозрение” 9, 1994, с. 133).

6

1. X. 1912 (н. ст.). Фицнау (Швейцария)

Наташа, неописуемо хорошо, высоко, мучительно. Базельский курс показал нам, что нам остается одно: учиться. Были у Д[окто]ра:¹ смотрел рисунки Аси; наговорил изумительности; мне сказал то, что ахнул я и вот уже третий день не могу оправиться, бегаю Хандриковым² по Базелю и дерусь с почтой; а вечером молнии Света; последняя лекция была невероятна, даже для привыкших к Д[окто]ру: гремел как никогда: глаза, поднятые вверх — два огненных колеса; потом опустил голову и грустно молчал; чувствовалось, что подводит итоги 1900-1912 гг. На этой же лекции было сказано: “Даже Сына Божия они (подлецы — человечество) сорвали”. Могло бы быть вовсе не то, не та история, не то продолжение. Стоял сам — сухой, кипарисовый крест. Последние 3 дня лекций над Базелем носятся тучи: переживается что-то; какое-то наступает событие. Эллис, фрау Пульман, Трапезников,³ мы — в непонятном волнении.

На публичной лекции по выражению Эллиса “в небеса залустил ананасом”;⁴ над кафедрой что-то вертел пальцем, будто мешает в стакане; это он объяснял, как громадный мировой профессор взбалтывает и образует миры и потом воскликнул: “Ну и большой же профессор!”

Говорил много в этой лекции о символизме. В день последней лекции курса были мы у него, и разговор с Асей он подхватил на лекции и вплел в лекцию. Стал нам по-новому невероятно дорог и близок: нота строгости сменяется нотой кротости, грусти; впечатление наше, что грустно, с любовью кивает нам: совсем-совсем родной, а в Сиверс что-то материнское.

Доктор совершеннейший чудовищный “декадент”:⁵ мне задал такую работу, которая по безумию, странности не снилась и декадентам; на чертежи мои как-то отрезал с шутливой свирепостью “Gut...”. Я растерялся, превратился в Хандрикова, моргал глазами. Он посмотрел на меня, увидел, что я не улыбаюсь и уже почти прикрикнул: “Aber gut... Sehr gut!..”⁶ На Асю как-то напал, ткнул пальцем в запись (Ася не хотела, чтобы Сиверс переводила), заставил перевести, сказал: “Это очень, очень важно, что вы сами дошли до этого”. Я Доктору нарисовал кроме чертежей каракули: человечков, скелетов; в одного нарисованного уродца ткнул пальцем и сказал: “Sehr schön”.⁷ В 20 минут распутал все путанное в моих чертежах; с невероятной, сверх-человеческой понятливостью сделал пометки, поправки; потом спросил: “Wie lange Zeit wird Herr Bugaïeff in Deutschland”.⁸ Сказал, что остаюсь: расцвел невероятной улыбкой, закивал, сказал, что это очень хорошо, и по этому поводу задал к Берлину такой невероятный урок, что, верно, в Берлине Доктору его ответит уже не я, а мой скелет, ибо сдерется и кожа и мускулы; при этом прибавил: “Es wird viel schwerer sein” (это будет уж много труднее)... Про один Асин рисунок сказал неожиданно, перебивая Асю, которая думала, что видела Антихриста: “Нет, это — Наполеон, по дороге из Москвы: запало из Акаша-Хроники...”⁹

Сиверс милая, близкая, строгая: что-то нежно материнское; есть верное чувство, это только бы не осрамиться, только бы выдержать экзамен, только бы не задушила неприятностями Москва, только были бы деньги: все идет хорошо, хотя путь и тернист.

Насколько мучителен был мюнхенский курс, настолько извне блестящее, душевно теплее и духовно драматичнее был курс базельский. Извне всеми цветами радуги переливалась история, как большая закатная туча, из центра которой вылетали молнии образов: Креститель, Христос, 12, Ирод и пр. — встали как действующие лица драмы. Раз 30 сказал: “Оккультное понимание Библии и Евангелия идет через понимание художественной композиции того и другого, через эстетическое восприятие, а не через сентиментальную чувствительность и не через комментирование; не понимая композиции Библии, не продерешься к

окультному смыслу". В десять раз *более* здесь был художником, чем в Мюнхене. И развивал Евангелие от Марка, как драму: действие первое: драматический диалог в высших планах Крестителя и Христа; действие второе: *величайший драматический диалог, бывший в мире* (слова Д[окто]ра) между Петром и Христом: "Отыди от меня Сатана".¹⁰ Действие третье: "Преображение". Действие четвертое: "Сон учеников в Гефсиманском саду" (и ученики не поняли, отчасти провалили дело Христово). Действие пятое: Но тут *многие в зале плакали*. После 10-й лекции, когда вышел из зала Д[окто]р, то около 600 человек не двинулись: наступило *странное, очень страшное молчание*: лекция кончена, а все сидят; ни один человек не шевельнулся; стало страшно, точно сейчас разразится неведомое. Тогда доктор из лекторской комнаты отворил дверь, но никто не пошевелился. Тогда доктор снова вошел в зал и видом дал понять, что *так не надо*. И все вдруг встали и загудели. Fräulein Hanna¹¹ проплакала всю ночь. <...>

На конверте: Россия. Москва. Ее высокородию Наталье Алексеевне Тургеневой. Кудринская Садовая, д. Шереметьева, кв. 92. Письмо руки Белого. Конец утрачен.

¹ "5-ое свидание. 24 сентября. Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу" (*Минувшее* 9, с. 471).

² Главное действующее лицо в третьей Симфонии Белого *Возврат*.

³ Трифон Георгиевич Трапезников (1882-1926) — искусствовед, участник Дорнахской стройки, член Антропософского Общества в Москве, после 1921 г. его председатель. Умер в Германии. О нем см.: М. В. Волошина, *Зеленая змея*, сс. 343-44; М. Н. Жемчужникова, *Воспоминания о Московском Антропософском Обществе (1917-1923 гг.)*, в: *Минувшее* 6, сс. 27-30.

⁴ Автоцитата из стихотворения Белого *На горах* (1903), из сборника *Золото в лазури*.

⁵ "Доктор был смешлив [...] В этой усмешке себя изживала порою любовь к парадоксу, к чудачеству даже; лишь в этом разрезе можно понять, что порою он, не будучи декадентом, умел перемигиваться с декадентами и с символистами; ведь декаденты уже ощутили бездну — реально; бездна их была выявлением пропасти, в которую декаденты и падали [...]. Миг декадентского вспыха был мигом падения их; миг вспыха в учении доктора, — миг приглашения к упражнению в летательном действии над бездной [...]. Доктор и декаденты были как бы согласно противопоставлены людям прошлого века; отсюда и умение Доктора при случае подмигнуть декаденту [...]. Разумеется, доктор не был декадентом; но суть и глубину декадентства, как болезни, он так понимал, как будто он сам прошел сквозь декадентство; я

разумею декадентство в его жизненном нерве, а не литературное течение [...]” (А. Белый, *Воспоминания о Штейнере*, сс. 62-63).

⁶ “Ну, хорошо... Очень хорошо!..”.

⁷ “Очень красиво”.

⁸ “Как долго господин Бугаев будет в Германии”.

⁹ В теософском учении Е. Блаватской — окружающее физический мир “эфирное тело”, в котором запечатлены все события исторической и духовной жизни человечества.

¹⁰ Евангелие от Марка 8, 33.

¹¹ Frau Hanna (ум. в 1923 г.) — немецкая теософка, работала в библиотеке Геттанума. Белый ее упоминает в своих *Воспоминаниях о Штейнере*.

7

[Первая половина октября (н. ст.). Фицнау (Швейцария)]

Наташа, как ты? Отчего не пишешь? О себе нам писать или нечего или так много, но на это времени не хватит. Ты другое дело. Как Москва? Не слишком скверно? Как работа доктора? Пиши о Таньке. Изменилась ли? Как их венчали?¹ Можно ли от них ждать проку? Сережа² написал короткое письмо и скорей пустое. Напиши что-нибудь чтобы представить их себе. Пусть и Поццо напишет. Где мама? Хочу ей писать, но не знаю куда. Тут мы пробудем до 22-25. Живем среди гор, туманов и кретин.³ Кретины — какой ужас. Антитеза Заратустры и Д(окто)ра. Недавно пошли гулять в горы. Вдруг слышим дикий голос, кто-то кому-то выговаривал. Оказалось, кретин громко спорил с кошкой, и кошка обиженно слушала и как будто все понимала. Когда мы прошли, он начал хохотать, петь и кричать нам что-то. Ничего неприятнее не испытывала. В деревне тоже есть один, мы его постоянно встречаем. Иногда он сидит на ограде церкви и читает газету. Они чуть повыше тети Оли,⁴ кривоногие, широкие, тяжелые. Лица животного-глупые. Впрочем, очень многие швейцарцы носят более или менее этот отпечаток.

Под окнами озеро.⁵ За нами горы, и работа идет какими-то странными скачками. Получили ли первую половину курса и книгу? Да, пусть Поццо напишет в Базель Mandataufgabe (Poste Centrale), что такого-то числа высланы деньги от Поццо, прожив(ающего) в Moscou, Koudrinskaja Сад(овая) и т. д. à Monsieur B. Bugaïeff, а совсем не M. Rugdeff,

и поэтому пусть их перешлют à М. В. Bugaïeff, Poste Restante, Berlin или вернут по адресу, написанному на чеке.⁶

Мы их так и не могли добиться. Если их вернут обратно, вы их может быть отдайте Мусагету по очень сложным соображениям. Об этом после вам напишет Боря. До 25 нов. ст. адрес Vitznau bei Luzerne, Vierwaldstättersee, Poste Restante потом: Berlin, Poste Restante.

Р. С. А Боря написал в “Труды и Дни”, что выходит из редакции и, кажется, зная с Метнером на долгий срок больше не хочет.⁷

Да, Метнер сказал Боре, что будет отсылать обратно его письма (без основания и грубо) и написал мне очень мило и неправильно.⁸ Призови его <нрзб.> по-хорошему.

Шолль⁹ велела кланяться.

Письмо руки А. Тургеневой, без подписи. Датируется по содержанию.

¹ Т. А. Тургенева (см. прим. 2 к письму 1). Она венчалась с С. Соловьевым 16 сентября 1912 г. в Луцке.

² С. М. Соловьев (см. прим. 6 к письму 5).

³ Здесь имеется в виду кретинизм как болезнь, врожденная умственная отсталость, которая сочетается с физическим уродством. Кретинизм встречается главным образом в горных местностях.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Фицнау находится на Фирвальдштетском озере.

⁶ А. М. Поццо выслал Белому 130 франков, которые Белый не смог получить из-за недоразумения с почтой (его фамилия была написана неразборчиво, читалась не как Bugaïeff, а как Rugdeff). Ср. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 17 октября из Фицнау (РО РГБ, 167-2-70).

⁷ Полемика между Белым и Метнером, проявившаяся, по сути, одновременно с возникновением Мусагета, имела разные аспекты, среди которых и аспект финансовый: перед путешествием в Италию и Северную Африку Белый получил 3000 рублей как аванс под будущие произведения. Денежные обстоятельства издательства привели к тому, что *Путевые заметки* не могли быть опубликованы в Мусагете, который и потребовал у Белого возвращения аванса. Трудное сосуществование внутри Мусагета неокантианской линии журнала “Логос” и ‘мистической составляющей’, и последующее обращение Белого и Эллиса в штейнерианский оккультизм усложнили отношения, затрудненные еще и тем, что Эллис и Белый металсь по Европе вслед за Штейнером, а Метнер сам подолгу жил за границей. Уже в июне 1912 г., подводя итоги долгому периоду непонимания и взаимных

упреков, Белый писал Метнеру: “Конечно, действительность обнаружила наше диаметрально противоположное отношение к ряду вопросов” [РО РГБ, 167-2-64, л. 2]. Совместная работа в мусажетовском журнале “Труды и дни”, и так шедшая со скрипом, после эпизода со статьей Б. Яковенко о Бердяеве (критический отзыв Яковенко на книгу *Философия свободы* был принят к печати Метнером без предварительного согласия других членов редакции; см.: М. Б. Безродный, *Из истории русского неокантианства*, в сб. Лица I, М.-СПб. 1992, с. 389) привела к угрозам Белого уйти из редакции: “Как хотите. Или я накладываю veto на статью в таком виде, или, что рациональнее, я ухожу от редактирования. Нельзя нам с Э. К. Метнером редактировать вместе. Мы глядим в диаметрально противоположные стороны” [письмо Белого к В. Ф. Ахрамовичу от 9 нояб. 1912 г. из Штутгарта, РО РГБ 167-2-75, л. 1]. Конфликт, тем не менее, был преодолен, и на какое-то время восстановились нормальные отношения. Окончательный разрыв между Белым и редакцией [Мусагета] относится к ноябрю 1913 г. Об истории издательства Мусагет, см.: Г. А. Толстых, *Издательство Мусагет* в сб.: *Книга. Исследования и материалы*, М. 1988, сс. 112-33.

⁸Письмо Метнера неизвестно. Предположительно в ответ на письмо Метнера А. Тургенева, резко принимая сторону Белого в конфликте с редакцией Мусагета, писала Метнеру: “Я думаю, что с большим проком могут говорить двое слепых о солнечном закате, чем Вы о Мусагете” [письмо из Фицнау от 8 окт. 1912 г., РО РГБ, 167-3-25].

⁹Матильда Шолль (Mathilde Scholl, 1869-1941) — “руководительница Кельнской группы, — высокая и плотная дама с круглым лицом, скромной гладкой прической и карими серьезными глазами” (М. В. Сабашникова, *Зеленая змея*, с. 132). “Внутренняя ученица Штейнера”, Шолль давала Белому и сестрам Тургеневым уроки немецкого языка и штейнеровского учения в первое время их пребывания у Штейнера (см.: А. Белый, *Воспоминания о Штейнере*, сс. 143-44).

8

[После середины октября 1912 г. (н. ст.). Фицнау (Швейцария)]

Милая Наташа,

Спасибо за письмо. Оно такое хорошее. И такое реальное. Из него узнаешь многое, многое; и становится как на ладони видна Москва.

А мы здесь в колебании. Вот суть этих колебаний. Работа, нам данная Д[окто]ром, требует столь сложных усилий, и столь еще в незаконченном виде и у меня и у Аси, что пока единственный смысл видеть Д[окто]ра — смысл эгоистический. Д[окто]р в Берлине бывает проездом. И все равно ехать сейчас в Берлин значит — ехать на 3-4

лекции, не более; да на 1-2 свидания в лучшем случае. Через *месяц*, не ранее, будут *реальные* итоги работы (и они уже есть, но их надо связать воедино). А пока мы с Асей полны в хорошем смысле слова собою: много работаем, много устаем. Между тем, наша связь с Фрау Полманн в Базеле *только упрочилась*; да и центр наш есть. И вот: Фрау Полманн зовет нас к себе в Штутгарт,¹ обещает много нам отдавать времени и, так сказать, *репетировать* с нами то, что мы должны нести Д[окто]ру до 25 ноября н[ового] ст[илия]; Д[окто]р приезжает в Мюнхен на маленький курс в 4-5 лекций.² Из Берлина ехать было бы сложно, а Штутгарт в расстоянии 2 часов езды от Мюнхена и очень близко от Швейцарии. Кроме того, там уже нам подыскана комнатка рядом с ними и за *городом*, на горе, около леса. И вот мы решаемся ехать в Штутгарт до 25 ноября,³ встретиться с Д[окто]ром в Мюнхене и уже всем вместе после Мюнхена ехать.

Так и поступим. Внешне живем: в горах, над водой, м[едита]ции становятся все реальней и оттого у меня страшная критика над собой: все углубляется, становится труднее, разрешается иногда чуть ли не мучительным криком, а в глубине души что-то зреет: невидимое начинает пускать слабые корни в душе.

“O Mensch, erlebe dich”⁴ днем и ночью звучит из Мистерий. И какая-то новая жажда к реальному ощущению поднимается из души: во всех мелочах, в изгибах мысли, в контроле поступков, везде стоит: “Очиститесь! Приближается Царствие Небесное...” И, о как трудно бывает, Наташа! Трудно от сознания своей неготовности. Неготовность и боль (только теперь понимаю слова Д[окто]ра при данной медитации “Es wird Schwerer Sein”) разрываются на поверхности души криками и эти крики подчас несправедливо форсируют меня отвечать Мусагету, друзьям — *не то, не так*.

Знаю все сам!..

Но хочется заверить, что я теперь на поверхности *чернее*, чем внутри; и чернота моя проступает в сношениях с Мусагетом.

Отвлекаясь от своего несправедливого огрызания на Мусагет и глядя совершенно беспристрастно, скажу: Мусагет даже мелочами все делает для того, чтобы раздражить меня: присылает открытки без личного обращения с *Милостивым государем*, Метнер утверждает то, чего нет и потом, получив ответ, наносит мне уже прямое оскорбление: невозможность редактировать “Тр[уды] и дни” осознается ими лишь как *срывание злости* и т. д. И вечный лейт-мотив один и тот же: “*Так-то вы занимаетесь личным совершенствованием*”.

О, как хотел бы я искренно сказать всем и каждому: *“Несовершен я, каюсь”*. Но в Москве взята нота играть на том, что есть акт моего интимного признания *себе самому*. Когда в душе встает сознание всего эгоистического в себе, то вопить хором по этому поводу: *“Кайся, кайся”* и чувствовать себя в 10 раз правее Тебя есть, объективно говоря, высокая нетактичность. Ведь и *Ной* имел слабости: но Ной не был Хамом.

Понимаешь: все поведение Мусагета есть систематическое растравливание — не отпускают на свободу, и вместе с тем *допекают* и *попрекают*. *Опека*, паче *попреки* усиливают то состояние, которое на поверхности личности медитацией превращается в состояние содранной кожи (*“Es wird Schwerer”*). Неужели умный человек, Метнер, не понимает, что если бы я не полагал главной задачей развития *самокритику*, я не был бы у Д[окто]ра. И вместе с тем, неужели присыпать соли к содранному месту в душе есть обязанность того, кто себя называет другом. Ведь поступать так, значит топить: мне же было бы легче проститься со всеми. И есть жертва в том, что я *серьезно* хочу работать в *журнале*. Неужели не понимает Алеша,⁵ что моя *“усталость и нервность”* оттого, что *форсированным темпом* я иду, более форсированным, нежели они, москвичи;⁶ пусть бы он сначала походил с данною мне Д[окто]ром задачей, а потом и соболезновал. Во всяком случае, Д[окто]ру и Фрау Полманн я более верю чем соболезнованию Алеши и негодованию Метнера.

Ты, Наташа, понимаешь это: объясни же, если будет случай, Метнеру все это. Всю неделикатность его поведения не как редактора Мусагета, а как просто чуткого человека.

Я знаю только: моя *несправедливость, тон писем* и прочее⁷ от неспособного в данную минуту брести: работать над собой, остаться с прошлым, простившись с ним в духе, работать Д[окто]ру (у меня разрастается целая диссертация); работать над романом; читать циклы и прочее). Я или сойду с ума, или *действительно буду*: оккультизм для меня *огонь*, а не переезд на тихую и благоустроенную квартиру: все я отдаю этому пламени и все *загорелось*: а где пламя, там дым: дым — истерика, нервы. А в ком нет этого *дыма*? Мой теперешний дым от форсированности той работы, итог которой есть *“очищение”*. За дымом, раздражающем их нервы, они не видят, что горит человек.

Наташа, я не отрицаю, что я кругом неправ в моем бурном на все реагировании: это слабость, окончательный приговор, который поставит Д[окто]р *потом*, а не *они*, когда рассеется дым и будут видны уцелевшие ценности бывшего человека.

Нота их отношения к нам с Эллисом есть нота отношения к “бывшим, опустившимся людям”; они не хотят понять необходимости стать “бывшими” для “будущего”. И “приговор их” — ужасен для них самих. Только в этой ноте их отношенья ко мне теперь я и безумствую; приставать же с своим и не хочу. Ну видишь, милая, отклонился. Опять за старое. Ничего. Все хорошо и верь: все будет, будет, будет!!

Целую тебя и Ал[ександра] Мих[айловича].

Боря

Написала бы Ты Фрау Полманн. Эллис огорчается, что Ты не пишешь ему. Верь, верь, как мы ощущаем с Асей по новому нашу связь с Тобой через Мюнхен: и центр нас четырех должен быть центром нас шести.

Ася целует.

Пока адрес Deutschland. Stuttgart. Postlagernd. Мне.

Или сложнее: Panoramastrasse. Hoffrat Fraub. Herr Doktor Ellis с припискою Б. Н. Бугаеву.

Вчера мы были на вершине горы: было безумно; час ползли по отвесам на фуникулере; внизу бывшие озера сжались в кулак; вдруг на одной станции из-за гребня горы буквально выскочили облака и со свистом отвесно ринулись вниз; скоро среди бела дня стало темно; облака, крутясь, врывались в окна вагона. Мы въехали в черную тучу: вершина была в облачном море, которое до ночи покрывало нас: в этом облачном море все было дико и странно: где-то внизу проступит сосна, как привиденье, и скроется: страннее этой картины ничего не видал.

[Приписка А. Тургеневой]

Наташа, узнай, сколько времени идут вещи большой скоростью Москва-Мюнхен. Мы в Мюнхене будем 24-го ноября нов[ого] ст[иля], и нам необходимо иметь вещи там, т. к. только там мы узнаем, едем ли в Берлин или опять на 3 недели в Штутгарт, а уже холодно. В Мюнхене же пробудем 5 дней. Высылать надо вещи по следующему адресу — Deutschland Hauptbahnhof. Güter Lagernd. Herrn Boris Bugaeff — München. Квитанцию заказным пришли Боре, но рассчитай — мы выезжаем от-

сюда 22-23 ноября нов[ого] ст[иля]. Если квитанция может поспеть, лучше пришли ее сюда: Stuttgart, Deutschland, Herrn B. B. – Willa Schrenk. Werastrasse 45. Degerloch. Если уже будет поздно, то заказным же München. Poste Restante Боре.

Нужны 2 шубы, 2 шапки, муфта, ношеное бархатное платье. Если это возможно, лучше перенумеровать вещи, т. к. хоть и древние меха, все же могут позариться. Ужасно устала и спешу. Целую вас. Пиши и ты.

Ася

Письмо без конверта, датируется по содержанию. Оно, по всей видимости, было написано Белым в Фицнау, а послано уже после переезда в Дегерлох (близ Штутгарта) с припиской А. Тургеневой.

¹Ср. Письма А. Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой, “Новое литературное обозрение” 9, 1994, сс. 146-48. У Белого фамилия голландской теософки, близкого друга Эллиса, встречается в разных написаниях: Полманн, Пулманн, Поольман, реже в правильной форме Польшман.

²25 и 27 ноября (н. ст.) 1912 г. Штейнер читал в Мюнхене две публичных лекции на тему “Die übersinnlichen Welten und das Wesen der Menschenseele”; 26 и 28 ноября он читал для членов Теософского Общества две лекции из цикла “Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt”.

³Белый и А. Тургенева переехали из Фицнау (Швейцария) в Дегерлох (26 октября (ст. ст.) 1912 г. и уехали оттуда в Мюнхен 24 ноября.

⁴“О, человек, переживи себя”.

⁵А. С. Петровский (см. прим 8 к предисловию).

⁶“Но есть особый путь: путь форсированный, чрезвычайно накладываемой работы, путь быстрого ведения; этот путь в первой, подготовительной стадии подобен взрыву котла паровой машины. Доктор ведет до взрыва; и потом уже начинает период закала [...] У нас с Асей оказались особые способности к особому виду пути (самому дикому и странному для людей века сего); и нас надо сперва прогнать сквозь строй Ада, и очищения в астральном странствии, а потом уже застопорить и медленно укреплять житейское и суетное [...] Доктор повернул к нам совсем не так, как к Алеше или Мише или многим другим: у нас свой, особый путь” [письмо Белого Э. К. Метнеру от 26 дек. 1912 г. из Берлина, РО РГБ, 167-2-78, лл.8об.-9-9 об.].

[Третья декада ноября (н. ст.) 1912 г.
Дегерлох (под Штутгартом)]

Милая Наташа,

вот давно уж от Тебя не было ничего. Впрочем, понятно: знаю, как трудно писать из Москвы. Мы уже 2 недели здесь, в Штутгарте.¹ Живем за городом, около соснового леса. Все очень у нас неудобно, но жить приятно; живем монотонно; я, кажется, по уши ушел в роман.² В Фицнау, хотя мы и были отброшены от Д[окто]ра, но жизнь шла бурно, работа до изнурения кипела: здесь же вполне понятная реакция, вероятно до Мюнхена; начинаем скучать по Д[окто]ру. Есть нарастающая потребность в свидании. Дни текут ровно, безбурно, нормально; Москва тоже вдруг угомонилась; мы с Эллисом даже настроились дружелюбно. Эллиса видим каждый день: каждый день вечер проводим у них на вилле;³ с завтрашнего дня принимаемся за продолжение базельского курса и при первой оказии перешлем. Очень Вас с Ал[ександром] Мих[айловичем] слышим. Очень с Вами...

Мы теперь залегли в Штутгарте, как в логове, переживаем старое, осознаем; что-то новое впереди. Жаль, что не было Тебя в Базеле: нота Базеля была новою нотой; ничего там не было Мюнхенского; и оно — тревожно-неизгладимо. И вот нет-нет задумаюсь; как странно, как загадочно: что было, что будет? Д[окто]р в Базеле все время напирал: перелом, перелом, назревают события; пока что назрела балканская война; 1912 близится к окончанию. 1913 год, как вещал кто-то откуда-то, выявит 12-ый год. Неужели война? Где-то мы окажемся в то время...

Милая Наташа, странно: вот опять уже между нами прошло время; Мюнхен отошел (3 месяца); а *наше* мюнхенское, оно — есть, будет...

Ждать нам Ал[ександра] Мих[айловича] в Берлине, в том Берлине, в который мы все не можем попасть, да, кажется, и не спешим, ибо слухи здесь ходят, будто Д[окто]р вовсе не много будет в Берлине между Мюнхеном (25 ноября) и Штутгартом (на Рождестве, кажется, в Штутгарте опять).

Милая Наташа: прости бессмысленность моих слов; они от мигрени; целую и крепко-крепко жму руку Ал[ександру] Мих[айловичу].

Привет тем из москвичей, кто хорош (отсюда, сй-богу, кроме вас не видно никого; все — под флером неизвестности). Целую Машу. Была ли ты в Григор[овском] К[руж]ке?⁴ Что там? Целую тебя крепко.

Боря

Адрес: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Werastrasse 45a. Bei Herr Schrenk. Мне (если Асе, то Frau Bugaïeff).

На конверте: Россия. Москва. Ее высокоородию Наталье Алексеевне Тургеневой. Кудринская Садовая, дом Шереметьева, кв. 92. Письмо датируется по содержанию.

¹ Белый и А. Тургенева приехали в Штутгарт 26 октября (ст. ст.) 1912 г.

² Речь идет о переработке первых пяти глав романа *Петербург* для издательства Некрасова (см.: Л. К. Долгополов, *Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого "Петербург"*, в кн.: Л. Белый, *Петербург*, М. 1981, с. 565).

³ Ср. Письма А. Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой, "Новое литературное обозрение" 9, 1994, сс. 146-48.

⁴ Григоровы, Борис Павлович (1883-1945) и Надежда Афанасьевна (1885-1964) — слушатели курсов Штейнера, принимали участие в строительстве Гетеанума в Дорнахе и в организации Русского Антропософского Общества в Москве, председателем которого Григоров был с 1913 г. по 1921 г. О них см.: М. И. Жемчужникова, *Воспоминания о Московском Антропософском Обществе (1917-1923 гг.)*, *Минувшее* 6, сс. 14-15. По видимому, здесь речь идет о ядре будущего Русского Антропософского общества в Москве.

[[Начало декабря (н. ст.) 1912 г. Берлин]]

Милая, милая Наташа,

спасибо тебе за шубы. Все получили. Только что (в субботу) были у Д[окто]ра:¹ никогда свидание не было столь реальным, как этот раз. С Vitznau мы Д[окто]ру приготовили много: мы с Асей по тетради, своего рода Vortrag на тему о наших медитациях; кроме того: с Базеля Ася зарисовывала Д[окто]ру все ей виденное; зарисовывал и я. Кроме

того: у меня был с собой своего рода “Дневник ощущений”. Большинство материала Д[окто]р из Мюнхена взял с собой, чтобы просмотреть заранее. И вот все, что воспоследовало из этого, было совершенно незабываемо. Наши Vortrag’и Д[окто]р назвал субъективно-реальными; подробно охарактеризовал, откуда и как получаются наши схемы; определил их, как продукт соединения имажинации с логикой. А про мою имажинацию мне рисовал схемы, какая она; у меня особый случай: Subjectio real... Вещи того мира западают так: через солнечное сплетение. Но всего изумительнее были толкования Д[окто]ра к зарисованным *увидениям*: по этим толкованиям более всего убеждаешься в необходимости заранее и письменно готовить Д[окто]ру отчет: медитация развивает имажинацию;² имажинативно видишь многообразное. Но не умеешь отнести, что к чему: указания Д[окто]ра потрясающе реальны. “Это — кусочек вашего мозга”. Указывая на лебедя в нимбе, Д[окто]р мне сказал: “Самовосприятие эфирного горла”; Все он ряд рисунков подвел к самовосприятию эфирных органов (бегемот — печень, сердце — селезенка, змея — желудок, особо нарисованный орел — позвонок и т. д.); в один мой рисунок Д[окто]р уткнулся и сказал: “Атака на вас Luftdämonen (демонов воздуха)”. И т. д.

В резюме Д[окто]р сказал, что сейчас половина мною виденного есть отражение борьбы моих тел друг с другом; Д[окто]р мне сказал: “Через это нужно пройти без страха... Вы уже кое-чего достигли...”. А Все сепаратно (без меня) сказал, что моя нервность есть отражение моей борьбы с собой и что я сам без помощи справлюсь и соберусь... На этот раз в Д[окто]ре была бодрость и крепость: и мы вышли от него, ликуя.

Наташа, всего страннее некоторые рисунки Аси: про один Д[окто]р сказал: “Это вы в прошлом воплощении...”. И при этом сказал, какое оно... Об этом — никому.

Новые медитации нам данные *страшно* крепки и сильны. Оба мы (особенно Ася), чувствуем себя *почти* выходящими из тела (первый сознательный выход из тела есть, так сказать, первое крупное событие оккультного пути): и вот оба мы чувствуем, что *это* подходит к нам. Наташа — странно и страшно... Иногда ночью *оно* начинается: Ася и я ощущаем *кое-что*, видим *кое-что* в связи с *этим* — ну так же реально, как осеваем кусок хлеба в руке...³

Уехать от Д[окто]ра теперь немисливо: слишком *круто*, *стремительно*, *резко* и может быть *рискованно* мы идем (и верю, нас ведет Д[окто]р); уехать сейчас — это разбить жизнь.⁴

А вот *опять* грозно надвигается на нас вопрос, как жить. С залогом имения у Вл[адимира] Конст[антиновича]⁵ благодаря *слухам о войне* все пролетело; проживаем последнее; денег взять — неоткуда.

Но какая-то странная уверенность, что все будет хорошо. Хотя реально, через месяц, полтора нам ничего не останется, как ехать в Россию...

А ведь вот: на что-то надеемся... Знаю одно — *не поедем в Россию*. Крепко целую Ал[ександра] Мих[айловича]. Целую Машку. Ася целует.

Крепко любящий Тебя

Боря

P. S. Нам бы плакать, а мы смеемся...

Вчера получили неожиданно деньги, посланные Ал[ександром] Мих[айловичем], в виду нашего денежного кризиса позволяем себе их оставить.

От 27 до 2 января нов[ого] ст[иля] мы в Кельне (на курсе).⁶

Наш адрес: Берлин. Charlottenburg. Luther Strasse 27. Pension Wegner. Herr Doctor Boris Bugaïeff.

Письмо без конверта, датируется по содержанию.

¹ "6-ое свидание. 29 ноября. Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации. Мюнхен" (*Минувшее* 9, с. 471). 30 нояб. Белый и А. Тургенева переехали из Мюнхена в Берлин.

² "Сущность медитации есть сосредоточенье в образах, ничему будничному не адекватных; образы медитаций суть *символы*; во всяком символическом образе, т. е. в образе, соединяющем в себе *нечто* неотобразимое, в действительности лежит уже начало *медитативное* (мой вывод: символизм — свободная, инстинктивная медитация); а задача медитации в первых порах — вытянуть из глубины души *нечто* самостоятельное, что не связано с дождем повседневных, обычных представлений; сперва это достигается сосредоточиванием на символическом представлении, далее слитием с ним; наконец жизнью в символическом представлении; переживающий медитацию приходит далее к *самостоятельному творчеству* медитативных образов, к творчеству целого мира представлений и образов, к *соединению мысли и образа в одно*; наконец, к *видению этих образов*. Эта первая стадия ясновидения есть *имагинация*" [письмо Белого к Э. К. Метнеру от 22 янв. 1913 из Берлина; РО РГБ, 167-3-3, лл. 5 об.-6].

³ О своем душевном состоянии этого периода Белый так писал Э. К. Метнеру: "Только 4 месяца упорной оккультной работы, а мы уже с Асей на пороге *реального выхождения из себя*, т. е. того, что испытывается во время реально переживаемой смерти; это случается вообще не со всеми и во всяком случае это бывает после многомесячного, а иногда многолетнего пути" [письмо Белого к Э. К. Метнеру от 26 дек. 1912 г. из Берлина; РО РГБ, 167-2-78, л. 9].

⁴ К невозможности прекратить даже на время ученичество у Штейнера Белый возвращается многократно в письмах второй половины 1912 г.: "А между тем если по воле внешних или внутренних причин мы с Асей сейчас отступим, или хотя бы уедем, мы *сломаясь навсегда*: уехать уже нельзя. Вступая в адские ступени чистилища убежать отсюда — значит навсегда остаться в аду" [письмо Белого Э. К. Метнеру от 22 авг. 1912 г. из Мюнхена; РО РГБ, 167-2-67, лл. 5-5об.]; "Опасности для нашей жизни реальные (это между нами): мы сами вломились туда, куда может нам было рано. У меня я знаю от чего это произошло (от неправильных медитаций Анны Рудольф[овны] и от вынужденного окк[ультного] голода с января 1910 года до начала работы у Доктора). Доктор лишь оформил уже имеющееся в потенции: и отсюда чрезмерная быстрота нашего движения в сторону миров иных" [письмо Белого к Э. К. Метнеру от 26 дек. 1912 г. из Берлина, РО РГБ, 167-2-78, л. 9 об.]. Ср. также: *Письма А. Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой*, "Новое Литературное Обозрение" 9, 1994, сс. 129-30, 141, 157.

⁵ Владимир Константинович Кампиони — лесничий, второй муж Софии Николаевны Тургеневой (урожд. Бакуниной), матери сестер Тургеневых. Чтобы уплатить Мусагету долг (3000 руб. на поездку в Италию и в Северную Африку), Белый попытался через него заложить свое имение (ср. письмо М. К. Морозовой от сент. 1912 г., "Новое Литературное Обозрение" 9, 1994, с. 130).

⁶ С 28 дек. 1912 г. по 1 янв. 1913 г. Штейнер читал в Кельне курс лекций на тему: "Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe".

11

[Начало января (н. ст.) 1913 г. Кельн]

Наташа,

видно судьба мне в Кельне писать письма. Нам тут с Борей странно. Тут мы 8 месяцев тому назад увидели Д[окто]ра и в этой же комнате остановились.¹ Оглядывая этот круг времени, кажется, как много прошло и как все же поумнели.

Мы все тревожимся, какие-то новые ноты чудятся нам в Д[окто]ре, а в чем не определишь, и он не то что-то ждет от нас, не то толкает куда-то. В ложе на лекциях он стал почти избегать нас и

делает вид, что не замечает, и вдруг поймаешь такой выслеживающий глаз, что хоть удирай. Будто он в прятки играет. Да и медитации такие задал, что только держись. В Кельне мягко, тепло и чуть пахнет Францией, что особенно приятно после Берлина. Мешают только русские, которые чуть только не держись гуртом, обижаются. И они, хоть и скорей милы в отдельности, все вместе совсем невыносимы.

И Эллис пугает.²

Не знаю, удастся ли фрау Пульман его вытащить, но за этот месяц, пока мы не видались, ужасно она осунулась и похудела, а из него черти так и прут. И злишься на него за нее, но и ему очень плохо.

А мы ничего. Известие, что через полтора месяца мы без копейки и негде достать (с Володей³ все рухнуло) мы встретили неизвестно почему очень весело и пока что об этом не думаем. Только от времени до времени Боря из-за ерунды подымает непомерные скандалы, но Д[окто]р меня утешил, что это ничего — тела друг с другом борются, и он сам их скоро приведет в порядок. Шубы, азбуку и открытку Соловьева⁴ получили. Спасибо. Да — скажи Дому песни, что мы без денег и потому ничего ему не внесем.

Григоровы⁵ с благословенья Д[окто]ра хотят устраивать все, как тут; они очень некультурны и узки, но ничего, ты их покопай. Д[окто]р им намекал, что когда все будет, он и сам, может быть, туда попадет.⁶

Ты бы там пока что пчелила.

Целую очень Поццо — пора на лекцию. Целую.

Ася

Письмо пролежало потому что были вещи, о которых нельзя было писать пока не выяснятся. Вот в чем дело — Д[окто]р основывает Антропософ[ское] Об[щест]во,⁷ дал понять Трапезникову, что в России все зависит от нас и что он желал бы видеть нас всех очень деятельными.⁸ Трапезников такой осторожный и мямля, пришел к нам с Борей и составил с нами план, по которому вы должны были бы спешно устраивать “команду”, добыть деньги на приезд Д[окто]ра и достать разрешения на общество и лекции.

Боря прочел бы лекции у М[аргариты] К[ирилловны]⁹ и публичную и через 2 недели после этого Москва пригласила бы Д[окто]ра. Д[окто]р дает carte blanche и намекает на необходимость деятельности и на нашу ответственность. Видишь, за эти 6 месяцев тон очень изменился — когда мы приехали, говорили, что раньше чем через 10 лет он в Россию

не поедет — и тут наш долг не спать. Конечно, мы бы с Борей тотчас поехали в Россию все готовить — но выяснилось, что этой весной в Россию он ехать не может. К тому же, дело слишком важно, чтобы рисковать. Так — Боря не может рассчитывать на полную поддержку москвичей, которые могут принять его приезд как манифестацию à la Эллис. Мы связаны безденежьем, не известно будет ли разрешение полиции в такой короткий срок и у нас сейчас такие медитации, с кот[орыми] при нашей неготовности ехать на открытую деятельность — безумие. Так что, почти наверное, что Д[окто]р Борю не выпустит. И так все откладывается до осени. Но надо, чтобы москвичи поняли, что сейчас спать нельзя, надо всюду нащупывать почвы. Надо хотя бы 2-3 новых человека привезти с собой в Мюнхен. Наташа, и Лида¹⁰ материал — тащи Лиду. Помнишь, мы возмущались Алешей¹¹ по отнош[е-нию] к Григ[орию] Ал[ексеевичу],¹² отчего ты не возьмешься? А Анну Васильевну¹³ покопать нельзя?

Григоровы несносные люди, но Эллис умеет пробуждать их к жизни и Эллиса они любят, как импульс. И не можешь ли ты хоть немного рассеивать их дух тяжести и уныния? Алеше разве нельзя внушить, что если не из долга, так из любви к Д[окто]ру, из желанья Д[окто]ра надо проникнуться теплом в своем долге. А Миша,¹⁴ как он ни глуп, но и он хлеб — и все же кое-что сказать может. Вне московской каши все кажется так просто, но ведь и в каше можно же что либо делать.

Все это очень серьезно и на кого же рассчитывать как не на тебя. На безрыбьи и ты рыба. Ведь это придает силы и делать надо.

Для поступленья в Антропос[офское] Общест[во] кажется лучше, если вы выберете гарантом Трапезникова,¹⁵ т. к. ответственность лежит перед Д[окто]ром на нем.

Ну прощай, пиши и об этом и о себе, и как у тебя с работой Д[окто]ру. Обо всем, что я написала, пока не говори, лучше если они узнают через Трапезникова. Пиши. Целую вас.

Фрау Пульман с нами все ближе. Она очень проста и почти может казаться неинтересной. Но если сумеешь к ней подойти, она знает такие вещи, от которых голова кружится (между прочим, о России).

[Приписка А. Белого]

Желание Д[окто]ра определено: чтобы люди не спали во внешней деятельности, а сходились с людьми и пчелили: от России сейчас он хочет деятельности: нам это достоверно известно.

Наташу и Ал[ександра] Мих[айловича] целую. Базельский курс был поразительнее мюнхенского; а Кельнский — поразительней базельского.

О наших разговорах с Трапезниковым москвичам — ни звука, но внуши им, что их абсентеизм и аристократизм ни к селу ни к городу, что Д[окто]р умеет сам быть грязной подтиральной тряпкой, а Алеша даже от Крахтовск[их]¹⁶ студентов воротит нос...

Целую.

Б. Бугаев

Письмо без конверта, датируется по содержанию. Post scriptum А. Тургеневой написано карандашом.

¹ «Январь. Новый год встретили с Асей в Кельне, в отеле St. Paul, против Кельнского собора; в этом же отеле мы жили, когда произошла первая встреча наша с доктором Штейнером» (*Минувшее* 6, с. 346). Белый и А. Тургенева впервые приехали в Кельн из Брюсселя 6/19 мая 1912 г. на публичную лекцию Штейнера и на следующий день имели первую личную встречу с ним. О кельнском курсе см. прим. 6 к письму 10.

² В этот период в еще большей степени усилилась фанатическая привязанность Эллы к Штейнеру и его нетерпимость по отношению к экзотерическим формам теософии.

³ В. К. Кампиони (см. прим. 5 к письму 10).

⁴ С. М. Соловьев.

⁵ Б. П. и Н. А. Григоровы (см. прим. 4 к письму 9).

⁶ Поездка Штейнера в Россию, о которой говорить и ниже, так и не осуществилась.

⁷ В январе 1913 г. теоретические расхождения с главенствующей группой внутри Теософского общества привели к исключению Штейнера из него. Сразу после этого было основано Антропософское Общество.

⁸ Видимо, речь идет о первых шагах, предпринятых Штейнером для создания русского отделения Антропософского Общества, которое открылось 7/20 сентября 1913 г. в Москве (см.: М. В. Волошина, *Зеленая змея*, сс. 376-78). Белый и А. Тургенева не присутствовали: проведя в России несколько месяцев, 31 июля/13 августа 1913 г. они снова поехали в Германию к Штейнеру.

⁹ М. К. Морозова (см. прим. 2 к письму 5).

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ А. С. Петровский (см. прим. 8 к предисловию).

¹² Г. А. Рачинский (см. прим. 15 к письму 2).

¹³ Может быть, А. В. Владимирова, певица, сестра Василия Васильевича Владимирова (1880-1931), художника и близкого друга Белого, члена кружка аргонатов.

¹⁴ Может быть, речь идет о М. И. Сизове (см. прим. 8 к предисловию).

¹⁵ Т. Г. Трапезников (см. прим. 3 к письму 6).

¹⁶ Константин Федерович Крахт — скульптор, основатель кружка Молодой Музагет, который собирался в его мастерской.

12

[Вторая половина января (н. ст.) 1913 г. Берлин]

Милая Наташа,

давно Тебе не писал... Но Ты понимаешь прекрасно, что не писалось не от нежелания, а от невозможности передать тебе на расстоянии нашу жизнь по существу. Отвечаю тебе о Д(окторе) и на Эллисовское письмо (милый Эллис, все радующее его он пересылает нам из Штутгарта в Берлин; в числе радующего его он переслал и письмо твое ему, и мы его читали; и нам было тоже радостно лишний раз слышать твой голос). Ты пишешь, что когда приедешь, то найдешь нас не теми; увь: мы не можем сказать, что подвинулись. До сих пор мы качаемся между ураганом внезапного подъема и периодами опустошенности, упадка; иногда нам кажется, что мы стоим на какой-то решительной грани, что вот... вот, еще черта, еще миг, и — *все, что ни есть на свете* откроется; Ася называет эти повисания над чем-то узнанием *сущности вещей*; знаешь — это бывает во сне; и вот с нами иногда случается такой *сон на яву*: вот-вот — и все развернется. Так и ходим мы, глупые, идиотически-блаженно приподнятые над собой. И потом — трах: целыми неделями тянется опустошенность; и ходим сонные, вялые, *идиотически упавшие под себя*. Одно только ясно: с нами что-то делается; в том графическом месте человека, где стояли слова “я”, “*моя душа*” и где это “я” было неделимою, математической точкой — это место резко распалось; и стало какое *Новое, Блещущее, Летающее*, что входит в место “я” и заполняет его; а когда “Его” нет, там — пустая, идиотически тупая, вялая оболочка. А прежней “я” расчленяется как-то... Одно ясно: мы испытываем *муки рождения*, то — *муки*, то *рождение* нового; и к этому *новому, новоблеснувшему, новозаветному* надо решительно присоединить *старое сознание “я”*,

иначе *новый свет* окажется мучительно в “я” ударившей молнией; электричество сотрясает; но электричество и может убить.

Пока мы ни в победе, ни в поражении; ни до конца сотрясены, ни убиты; но дни следуют так: после недель сотрясений, потрясений, почти выхождения из себя, дней, когда кажется, что... вот-вот все станет ясно, — неделю прибитости, сна, нападающего с неудержимой силой, дни *идиотические*. Так идет период за периодом: у нас ощущение, что все в нас усложняется, обостряется, утончается, все становится *колоссальным* (колоссальны друг друга сменяющие радость и тупость) — настолько все усложняется, что скоро должно настать какое-то внутреннее *coup d'état* [sic], после которого мы или сразу *подвинемся*, или наоборот потерпим полное поражение (говоря о *поражении*, я разумею себя, потому что за Асю не сомневаюсь: она — боольша-ааа-я...). Периоды опустошенности падают на отъезды Д[окто]ра из Берлина (так сейчас Д[окто]р в Австрии вот уже неделю; а мы — в состоянии идиотического транса; и поэтому все слова этого письма *из-под транса*); утешением в такие периоды служат слова Д[окто]ра же мне: “Ваши тела борются... Надо мужественно через это пройти...” И слова мюнхенского курса: “Состояние смятенности, тревоги здесь никого не минует...”

Значит, все в порядке вещей (недели полторы тому назад, когда у нас был *отлив*, мы подошли к Д[окто]ру, прося свидания, но Д[окто]р нас прогнал, сказав, что сам уведомит, когда надо; при этом он одной рукой взял мою руку, другой Асину и долго держал их в своих, точно обласкивая взглядом). Д[окто]р: вот к нему у нас отношения изменились определенно и круто по сравнению с тем временем, когда мы жили *втроем*, в Мюнхене; и конечно, изменились в сторону нашей привязанности, восхищения и ощущения *личной, интимной* связи; целыми неделями мы радуемся, улыбаемся друг другу, точно влюбленные во что-то; а когда приходится осознавать это, мы говорим себе: “Д[окто]р”; я не знаю, на чем коренится эта связь; но — *факт: какая-то связь есть*: неделями мы видим Д[окто]ра во сне, Д[окто]р *приходил* к нам, на лекциях как-то особенно наблюдает за нами, часто с кафедры обращается к нам; так было с иностранного Рождества до окончания Кельнского курса и далее (с 22 декабря до 12 января). В этот период пережили мы невыразимо многое, многое на всю жизнь впервые узнали (и из сна, и из медитаций). 12 января была лекция,¹ и Д[окто]р объяснил, что с Рождества до 12 января самое оккультное время, что в этот период многое, многое узнается; и что за этим периодом начинается период засыпания (временного). И подлинно: вскоре после мы

стали вдруг идиотически сонными; в придачу и Д[окто]р уехал до 30 января.

Вероятно период *прилива* будет к *Generalversammlung*.² Тогда же Д[окто]р прочтет маленький курс (4 лекции).³ Эти дни, вся неделя будет неделей непрерывных лекций, вот пока какво расписание: 1-го февраля — вечером заседание. 2-го февраля — заседание, 3-го февраля в 10 часов громадное заседание; в 4 часа громадное заседание; в 7 ч. вечера заседание. 4-го февраля — утром заседание и речь Д[окто]ра. Вечером, лекция курса. 5-го февраля — публич[ная] лекция Д[окто]ра. 6-го февраля — лекция курса. 7-го февраля — лекция курса. Перед этой неделей еще 30-го января — публич[ная] лекция Д[окто]ра. Скоро мы будем слушать Д[окто]ра в избытке.

Последние лекции Д[окто]ра все изумительнее, интимнее; до сих пор лекции в Ложе в сумме составили связный курс: “Между смертью и новым рождением”. Следующие лекции в Ложе образуют тоже курс: “Возрасты человека”. Кельнский курс был изумительнее базельского: последние три лекции даже на нас, привыкших к *crescendo* Д[окто]ра, произвели впечатление ударов грома. Д[окто]р начал курс с панегирика Гите, Самксе, Кришну и Йоге, противопоставляя эстетическую, гармоническую и мистическую законченность Гиты печесаным, пристрастным и страстным посланиям ап[остола] Павла; а кончил тем, что в образе Кришну свили теперь себе гнездо Люцифер и Ариман; и далее кончил тем, что самая пристрастность и страстность Павла свидетельствуют лишь о *не эгоизме* его (и а *contrario* эстетической законченности и мистической самодовлеющей глубине досталось). Далее формулировалось: Гита — это *теософия*; евангельские Послания — антропософия. Этот курс я записал после (записывал недели 2); теперь Ася переписывает (2-ю неделю); как жалко, что Тебя нет в Москве и как жалко, что мы уже в Берлине обещали конспект Григорову.⁴ Придется послать *им!* А переписывать в третий раз — это займет еще 2 недели...

Милая Наташа, мы мечтаем о том, как в будущем году мы будем жить с вами в Берлине; *нас* будет больше: нас будет 4 если не *шесть* (Эллис, Фрау Полманн, если будут жить в Берлине). А пока мы во всем Берлине — *одни-одинешеньки* (Кл[сопатра] Петр[овна]⁵ *не в счет*, Мме Бергенгрюи⁶ — чужая, а больше — никого; только Д[окто]р; да и тот — *на ином плане* с нами. В Кельне мы с Асей обрадовались всем русским (и Сабашниковой,⁷ и Ольге Павловне,⁸ и Анненковой,⁹ не говоря уже о Трапезникове¹⁰ и Эллисе с Фрау Полманн, ибо она — русская...).

На днях пришло известие: Д[окто]р председательницею Безант исключен из Теософ[ского] Общест[ва]. И еще известие: в Петербурге много работают над задачами “Антропософского Общест[ва]”, есть 2 кружка, но все это очень закрыто и вероятно москвичам даже не было известно; осенью в Берлин будет ток русских из Петербурга; все это мы слышали от 2 русских, петербуржцев, приезжавших к Д[окто]ру; Петербург уже обогнал давно, оказывается, Москву. Ну Христос с Тобой, милая Наташа: пиши — не забывай нас. Где Ал[ександр] Мих[айлович]? Хочу ему писать. Всем, всем привет сердечный в Боголюбях.

Боря

Р. S. Может быть, мы на 1-2 месяца приедем в Боголюбы (в период апрель-июнь).¹¹

Письмо без конверта, датируется по содержанию.

¹ Согласно хронологии штейнеровских курсов, две лекции из цикла “Das Leben zwischen dem Tode und der Neuen Geburt” имели место 7 и 14 янв: 1913 г. в Берлине. Цикл этот, состоящий из десяти лекций, был прочитан в берлинской теософской ложе между 5 нояб. 1912 г. и 1 апр. 1913 г.

² 2 февр. (н. ст.) 1913 г. открылось в Берлине одиннадцатое генеральное собрание немецкого Теософского Общества, во время которого было официально основано Антропософское Общество.

³ 3, 4, 5 и 7 февр. 1913 в Берлине Штейнер читал четыре лекции на тему: “Die Mysterien des Morgenlandes und des Christentums”.

⁴ Б. П. Григоров (см. прим. 4 к письму 9).

⁵ К. П. Христофорова (см. прим. 9 к письму 1).

⁶ Татьяна Алексеевна Бергенгрюн (Bergengrün, ок. 1861-ок. 1945) — сестра Екатерины Алексеевны Бальмонт (урожд. Андреева, 1867-1950), второй жены К. Д. Бальмонта, тетка М. В. Сабашниковой, теософка и антропософка. Умерла в Дорнахе.

⁷ М. В. Сабашникова-Волошина (см. прим. 5 к письму 1).

⁸ О. П. Сизова — первая жена М. И. Сизова, врач, теософка (см. прим. 5 к письму 4).

⁹ О. Н. Анненкова (см. прим. 4 к письму 1).

¹⁰ Т. Г. Трапезников (см. прим. 3 к письму 6).

¹¹ Поездка состоялась несколько раньше: А. Тургенева и Белый отправились из Берлина в Боголюбы 26 февр./11 марта 1913 г. и жили в имении матери и отчима Аси до начала мая (ст. ст.).

13

[Сразу после 7-го февраля (н. ст.) 1913 г. Берлин]

Наташа,

скажи маме, что если Доктор нас отпустит и не будет войны, мы приедем в Боголюбы числа 1-4-го апреля, и пробудем приблизительно до 1-го июля. Все это в новом стиле. Мы звали с собой фрау Полманн и Эллиса, но не знаю, приедут ли они.¹ А нам пора немного отдохнуть в русском воздухе и укрепиться. От Берлина очень устали, да и от Доктора. Подумать, что в течение 3-х дней мы видели его с 10 утра до 11 вечера и дня четыре от 4-х до восьми часов — только что кончился *Generalversammlung*. И бывало невероятное. Но об этом пусть пишет тебе Боря и подробней расскажет, когда увидимся. Так, например, мы разорвали окончательно с Теософским Обществом и когда Доктор загремел против Безант, вдруг ударил гром так, что многие испугались и поднялась страшная буря. Доктор 3 часа рассказывал свою биографию о том, как он провел детство на маленькой станции и всегда сидел в *Wartesaal*² и имел там видение, как учился, нуждался, намекал на одного своего учителя. Потом был курс в четыре лекции о мистериях³ и несколько заседаний. Определение антропософии. Сначала у гностиков была София Мудрость. Они ее любили, она была для них “милой” мудростью — философией. Но это исказилось, и философия стала вырождаться в науку. Теперь ей пора стать человеческой, воплотиться, стать антропософией. Пример Данте и Беатриче, идея вечной женственности.

Целую, пиши.

Ася

Письмо без конверта, датируется по содержанию.

¹ Эллис и И. Польшман поехали не в Россию, а в Италию, где провели апрель и май 1913 г.

² *Wartesaal* — зал ожидания.

³ См. прим. 4 к письму 12.